

ВЕРОНИКА АСТЕР

ТАМ, ГДЕ ТЬМА ВСТРЕЧАЕТ РАССВЕТ



*Хватит ли смелости посмотреть
в глубину и не сбежать?*

18+

Вероника Астер

Там, где Тьма встречает Рассвет

«Автор»

2026

Астер В.

Там, где Тьма встречается Рассвет / В. Астер — «Автор», 2026

Одно неосторожное слово может стать проклятием. Клэр Хейс знает это не понаслышке. После трагической гибели подруги и болезненного разрыва с возлюбленным она сбегает на край Ирландии — в тихий городок к бабушке, чтобы обрести себя вновь. Но прошлое не отпускает: чувство вины душит, а призрак погибшей Тэсс преследует ее в ночных кошмарах. Однажды Клэр срывает тыквы с заброшенного поля — такие идеальные к Хеллоуину. И с этого дня мистика врывается в ее жизнь. Но что это — реальная угроза или плод воображения? Пытаясь забыться, она решается на отношения с Джейком Уолшем — красивым, самоуверенным, притягательно-дерзким юношей. Он становится ее огненным вихрем, уносящим от тревог прошлого, но этот огонь может сжечь дотла. С каждым днем Клэр все сильнее затягивает в воронку, и она уже не понимает, во что верить. Как доверять себе, когда реальность рассыпается на осколки? Чем обернется эта связь с тьмой и светом? Вселенная оставляет знаки, но сумеет ли Клэр их верно истолковать?

© Астер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая: С чистого листа	12
Глава вторая: Тыквенное поле	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вероника Астер

Там, где Тьма встречает Рассвет

Пролог

Солнце неспешно катилось за горизонт, согревая слабыми лучами горожан, начинающих зябнуть от наступающей прохлады. Городок, больше походивший на деревню своими короткими узкими улочками и невысокими деревянными домами, готовился к поздней осени. Деревья едва слышно шелестели золотистыми кронами, роняя листья на землю красно-желтым длинным ковром. Еще местами теплый воздух впитал в себя запахи тлеющих костров и мерцающих углей, опавшей листвы и опустевших плодородных полей, высохшего сена и дикого мха, захватившего стволы величественных деревьев. И, совсем чуть-чуть, как щепотка корицы в какао, — витал аромат тыквенных пирогов и спелых яблок. На дворе стояла осень — уютная, спокойная. Теплая, как бабушкина выпечка.

Жители праздновали окончание сбора урожая и готовились к Хеллоуину* — Дню всех Святых: вырезали из тыкв причудливые рожицы, цепляли на окна бумажных пауков и паутину, накрывали праздничный стол. Восковые свечи всех форм и размеров мягко мерцали на подоконниках желто-оранжевыми огнями. В такой уютной атмосфере было принято собираться всей семьей, ходить в гости к соседям и дарить друг другу искренние теплые улыбки. Детвора резвилась у озера: игра оказалась слишком веселой, чтобы расходиться по домам. Но взрослые, занятые предпраздничными хлопотами, не обращали на них внимания: сновали от дома к дому, забегая то за мукой, то за солью, то за вареньем, да и просто ради беседы — обсудить огород, погоду, соседей и непременно похвалиться собственным праздничным убранством.

Городок, где почти все знали друг друга в лицо, готовился к тихой и глубокой осени. Урожай давно спрятали в холодные погреба, и лишь кое-где на заброшенных грядках и в диких фруктовых садах ветер тихо шептал, что лето уже давно позади.

— Лисенок, подожди меня! — звонкий голос юноши разрезал вечернюю тишину. Он, слегка задыхаясь, пытался догнать резвую подругу.

Девчонка бежала по пыльной проселочной дороге, заливаясь смехом. Медные, как закатное солнце, волосы ритмично подпрыгивали большой копной пружинок, а шерстяное коричневое пальто, надетое нараспашку поверх серого платья, развевалось на ветру.

— А ты догони! — бросила она через плечо, перекинув огненные пряди назад. Янтарные глаза задорно блеснули, с вызовом скользнули по юноше вдалеке и лукаво прищурились.

— Ты же знаешь, что бегаешь лучше меня. Так нечестно! — взвыл парень и остановился. — Ладно. Иди тогда одна.

Девушка вздохнула. Опять он не хочет с ней дурачиться. Оно и понятно: она младше на несколько лет, и ему, наверное, уже не так интересно носиться по деревне, тайком пробираться на чужие огороды и таскать урожай с какой-то мелюзгой. Но ведь они дружат с самого детства. Вернее сказать, это он дружит. А она — влюблена. Эта подростковая, нежная влюбленность в возмужавшего юношу началась примерно год назад. Тогда их взгляды неожиданно встретились и, как ей показалось, задержались друг на друге дольше обычного — и на душе в тот же момент разлилось новое, теплое чувство.

Девушка была уверена: это не взаимно. Она слишком юна и капризна, чтобы понравиться ему. И потому не решалась признаться: сложно пережить отказ, когда тебе всего шестнадцать. А избегать встреч после такого позора в маленьком городке практически невозможно. Потому ей было достаточно и простой ребяческой дружбы. Главное — быть с ним рядом. Слушать

бархатистый голос и таять от обворожительной улыбки, представляя его героем своего идеального романа.

— Я не пойду одна. Это же ты меня раззадорил. Но если хочешь — можем вернуться, — деловито пробурчала девчонка и с показательной обидой сложила руки на груди.

Юноша подошел ближе и отрицательно покачал головой, лениво разведя руки в стороны. Придется играть до конца.

— Ну уж нет, Лисенок, раз решились — вперед! — Парень показал ей язык и рванул с места, стремительно удаляясь по пыльной дороге.

Лисенком он окрестил ее давно — за огненные волосы и бойкий, не по годам дерзкий характер. Они дружили с детства — она приходила в гости к его младшей сестре. Лисенок часто цеплялась к мальчишке, придумывала дурацкие шутки, поддевала по любому поводу. А он терпел. И даже, кажется, находил это забавным. Но детство прошло, сменившись подростковой юностью, а характер, вопреки ожиданиям, стал только вреднее.

— Так нечестно! Обогнал меня, — хмыкнула девчонка и побежала следом, шурша желтыми листьями под ногами.

Она остановилась прямо перед огромным опустевшим полем. Когда-то здесь колосилась то ли рожь, то ли пшеница, но теперь осталось лишь гнилое жнивье да редкие благородные колосья, скупое напоминающие о былом урожае. Землю у самого края захватил высокий сухой бурьян: чертополох с цепкими семенными корзинками, огромные шапки борщевика и толстые скелеты лебеды.

Поле выглядело заброшенным. Одиноким. Слишком тихим для такого ветреного дня.

И прямо за ним, как назло, росла та самая яблоня — с огромными, ароматными поздне-осенними яблоками, ради которых стоило рискнуть. В прошлом году они пробирались в этот сад с другой стороны: было ближе и удобнее. Но недавно сосед, чьи грядки регулярно вытаптывались юными воришками, вернулся домой из долгой поездки и стал тщательно оберегать свои владения, заведя двух свирепых псов.

Теперь путь к саду лежал только через это заросшее поле. Девчонка стояла на дороге, разглядывая стену бурьяна без особого энтузиазма. В новом платье, специально надетом к празднику, лезть туда совсем не хотелось. Но ее товарищ уже перемахнул через ветхий деревянный забор и теперь продирался через сорняки, заметно опережая.

— Эй! — крикнула Лисенок. — Я не успеваю! Подожди!

Она на мгновение замерла, прислушиваясь к звукам вокруг, но... их не было. Птицы замолчали. А ветер, который еще минуту назад трепал ее волосы, неожиданно стих. Так странно. Тишина повисла в воздухе — настолько плотная, что заложило уши.

Юноша остановился посреди поля, повернулся в ее сторону и засмеялся, махая рукой.

— Догоняй, ты же лиса! Где твоя сноровка?

Но в одно мгновение все изменилось. Улыбка сползла с его лица, и на смену игривому задору пришло растерянное недоумение. Светло-ореховые глаза расширились от пугающего понимания: ноги быстро утопали в грязи, будто он стоял посреди гиблого болота. Земля под ним больше не была твердой — она засасывала. Неустойчивая, зыбкая поверхность буквально уходила из-под ног. Он дернулся, пытаясь высвободиться, но сапоги намертво увязли, и земля жадно затягивала их вниз, все глубже в холодную почву. Юноша вскрикнул и поднял руку в знак предостережения:

— Лисенок, стой! Не ходи сюда!

На ее лице отразилось удивление.

— Почему же?

— Здесь грязи по колено, невозможно пройти, — рассеянно ответил он, осматриваясь вокруг. — Подожди, я сейчас попробую вытащить сапоги. Обойдем с другой стороны.

Спутница не поверила его словам и лишь засмеялась, расставив руки по бокам. За высокой стеной сорняков ей не было видно, что происходило с его ногами.

— Ты решил снова меня провести? Не выйдет, в этот раз я не куплюсь. Все, иду к тебе! — крикнула она и зашагала по сухой траве. Колючки чертополоха моментально вцепились в подол, и девушка поморщилась: опять полвечера чистить одежду. Но несмотря на недовольство, все равно полезла дальше, раздвигая руками толстые сухие стебли борщевика. Местами бурьян был выше головы, цеплялся за платье, царапал руки, противно хлестал по лицу, но девушка уверенно двигалась вперед. Ему больше не удастся ее обмануть.

Наконец она преодолела препятствие и выбралась на широкое черное поле — и на нем, на удивление, не было ни фермерской грядки, ни сорной травинки. Юноша не шутил: он и в самом деле застрял в грязи. Но к тому времени, как она продралась через сорняки, он уже провалился в землю почти до пояса и всеми силами пытался выбраться, но что-то уверенно тащило его вниз. В глубоких, помутневших от испуга глазах застыла паника и непонимание. Он судорожно хватался руками за редкие тонкие стебли соломы, пытался подтянуться на руках, упираясь ладонями в почву, царапал руками сырую землю, загоняя грязь под ногти, но чем сильнее старался вырваться, тем сильнее его засасывало.

Паника обрушилась на Лисенка ледяной волной. Это просто невозможно! Никогда прежде в округе не было болота! В висках бешено застучала кровь, тяжелым молотом пробилая черепную коробку. Девушка разрывалась между двумя одинаково отчаянными решениями: попытаться вытащить и, вероятно, разделить с ним незавидную участь, или бежать со всех ног прочь, в город, и привести подмогу. В памяти яркой вспышкой возникли страшные истории деревенских ребят: если угодил в болото — назад дороги нет. Счет идет не на часы, а на минуты. Смертельная ловушка, из которой нет выхода.

Юноша громко звал на помощь, и девушка вторила ему, срывая голос, но бескрайнее поле глотало звуки. Сосед-фермер не мог их услышать, и вокруг — ни души.

— Лисенок, поищи палку или ветку, что угодно.

Она заметалась по сторонам в поисках хоть чего-то, что могло бы помочь. Но вокруг, как назло, — ни дерева, ни куста. Пустота.

— Что же это происходит? — с отчаянием воскликнула Лисенок, и слезы градом покатились по щекам. Страх душил ее, сжимая горло стальными пальцами, а разум отчаянно отказывался принимать реальность. *«Это сон. Просто сон. Сейчас я проснусь»*, — мысли лихорадочно бились в голове, а сердце бешено колотилось, готовое разорвать грудную клетку. — *«Здесь нет болота, это невозможно...»*

Девушка бросилась к дороге, схватила толстые стебли борщевика, согнув их у основания, и попыталась переломить. Но жесткое волокно не поддавалось: она гнула во все стороны, крутила, пыталась вырвать с корнем — бесполезно. И с каждой попыткой руки становились все слабее, а глаза застелила слезная пелена.

— Возле соседнего поля растет падуб, беги туда, сломай ветку, — прокричал он ей.

— Н-нет, я не брошу тебя... — пролепетала Лисенок и подбежала обратно к нему, но от увиденного почти перестала соображать: юношу затянуло почти по грудь. Слишком быстро, так не должно быть. Это самый ужасный ночной кошмар.

— Ну, давай же, прошу, я не выберусь сам... — тихо взмолился он. Силы покидали его, а земля так больно сдавила тело, что стало трудно дышать. — Лисенок!

Но девушка не могла пошевелить и пальцем, словно парализованная ударом молнии. Она просто застыла на месте, с ужасом вперившись в него немигающим взглядом. Верный друг, смелый герой ее фантазий, сейчас казался таким пугающе уязвимым, что разум отказывался это признавать. Смерть дышала им в спину, нависая над головами острым серпом. В глазах юноши застыло отчаяние, а на лице читался настоящий животный страх: он осознал, что его жизнь висит на волоске. Все, что было дорого, все надежды и мечты — весь его мир мог рухнуть

в один миг. И единственным спасением, последней ниточкой угасающей надежды была она — Лисенок.

— К черту все. Дай мне руку! Ну же, помоги мне! — Его голос прорезал тишину — хриплый, полный отчаяния. С титаническим усилием юноша протянул руку, испачканную в грязи, и тихо произнес: — Вот здесь твердая земля, сделай шаг, не бойся. Только аккуратно.

Он был так близко — их пальцы почти соприкасались. Лисенок потянулась было вперед, но страх не позволил. Каждый ее шаг, каждое неосторожное движение по рыхлой, холодной земле отзывалось ноющей болью под ребрами. Грязь, будто живое существо, казалось, тоже пыталась утянуть ее следом. Девушка почувствовала, как колени подгибаются, вот-вот готовые провалиться под землю, а сердце почти замерло, пропуская удары.

Лисенок вновь осмелилась посмотреть на юношу, но взгляд не смог надолго задержаться на его перепачканном, измученном лице. Все внимание оказалось прикованным к грязевой воронке вокруг. Невидимая сила затаскивала живого человека под землю, становясь сильнее с каждым его отчаянным вздохом. Лисенок почувствовала, как крупная дрожь пробрала до самых костей, и ей почудилось, будто земля под ногами медленно сдвигается — туда, в воронку, утягивая ее следом. В голове все смешалось: мысли тонули в густом, липком тумане, напрочь лишившим воли и рассудка. Реальность превратилась в дурной сон, в кошмар, от которого хотелось зажмуриться и заткнуть уши, чтобы поскорее проснуться. Но Лисенок чудом заставила себя собраться.

— Держись! Я тебя вытащу! Только не шевелись, слышишь? — закричала она, но голос предательски дрожал, срываясь в хрип.

Она отчаянно пыталась верить в то, что говорила. Ноги сделались ватными, непослушными, а руки тряслись, как от лихорадки. Лисенок сделала глубокий вдох и, собрав остатки воли в кулак, рванулась вперед, вцепилась в его руку и что есть силы потянула на себя.

— Ну же! — воскликнула она, изо всех сил таща юношу на себя. И поначалу стало даже получаться: земля остановилась, перестала тащить, и он смог немного подтянуться, и на один миг ей показалось, что все закончится хорошо. Нужно попытаться еще раз — сильнее, увереннее. — Давай еще! Кажется, получается.

Но вдруг она услышала **это**. Жуткий, едва уловимый шепот — тихая, вязкая вибрация, пронизывающая воздух. Казалось, сама земля начала скрипеть от напряжения. Дьявольское поле глухо и неумолимо шептало: *«Он останется здесь навеки. Он не заслуживает пощады. Отпусти, отдай его. Ты не справишься. Не сможешь. Беги, спасай свою шкуру»*. Лисенок почти физически ощущала, как смерть нетерпеливо кружит рядом, справляя свой темный, жуткий танец. С каждой отчаянной попыткой эти слова врезались в ее сознание все глубже, а тело налилось свинцовой, неподъемной тяжестью. Что могла противопоставить этой древней, предельной силе она, хрупкая юная девчонка? Ничего. Она абсолютно беспомощна. Страх почти победил.

Заливаясь слезами, девушка почувствовала, как его испачканная в грязи рука медленно выскальзывает из ее маленькой ослабевшей ладони. Горькое, безысходное отчаяние захлестнуло ее с головой. Не в силах больше бороться, Лисенок окончательно разжала пальцы и отшатнулась назад, позволяя демону забрать свое.

— Нет... я не смогу... Прости... — дрожащим голосом прошептала она, осознав, что из-за сковывающего все тело липкого страха не способна больше сжимать пальцы. Руки и ноги не слушались, словно ими управлял кто-то чужой.

Она всем сердцем желала спасти его, но что-то внутри дрогнуло и с треском рухнуло. Тот внутренний стержень, что еще минуту назад удерживал ее на грани, больно обломился, рассыпавшись в мелкую, горькую пыль от ощущения собственного бессилия. Лисенок все еще не верила. Не могла поверить. Это походило на дурной сон, на страшную хеллоуинскую сказку, которую рассказывали ребята у костра по вечерам. Но реальность, жестокая и неумолимая,

била в виски, и девушка отчетливо слышала в ушах тихий, вкрадчивый шепот темных сил. Если бы только она знала... Если бы могла предположить, чем обернется эта глупая, нелепая затея... Зачем, ну зачем она уговорила его пойти?

«Оно в самом деле живое... Чудовище заберет и меня... Я останусь здесь навсегда. Нужно бежать! Скорее!» — эта мысль набатом билась в висках, вытесняя все остальное. Затмевая разум, заглушая совесть, уничтожая любовь. Липкий, всепоглощающий ужас окончательно подавил ее волю.

— Я... Я позову на помощь! — выдохнула она глухо, отведя глаза в сторону, и, развернувшись, бросилась прочь.

— Нет! Постой! Ты не успеешь... Тогда давай другой дорогой до фермера! Лисенок! Ты меня слышишь? — его крик летел ей в спину, разрывая тишину, но она уже не слышала.

Растерянная, ослепленная паникой, она проскочила через бурьян и уже неслась по пыльной проселочной дороге, спотыкаясь о собственные ноги. Падала, заливаясь слезами, и хрипло, надсадно кричала в пустоту, которая равнодушно глотала ее слова. Ноги, онемевшие от ужаса и бесконечного бега, отказывались слушаться. Слезы тяжелым комом застряли в горле, мешая дышать, а голос сорвался в хрип, тщетно взывая о помощи. Когда силы окончательно иссякли, она запнулась о кочку и рухнула коленями в пыль. Из груди вырвался душераздирающий, утробный стон — не то плач, не то вой раненого зверя.

— Трусиха! — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Слабачка.

Лисенок заставила себя подняться, чувствуя, как по разодранным под колготами коленям течет теплая кровь. Сквозь пелену слез дорога расплывалась, но девушка бежала дальше, задыхаясь, падая и снова вставая. Если уж не хватило сил вытащить его самой, если струсила, предала в самый отчаянный момент — она обязана успеть. Обязана привести помощь. Перед глазами стояло его лицо. Эти глубокие родные глаза, умоляющие о спасении. Дрожащие от ужаса губы. Перепаханные черной землей руки, с надеждой тянущиеся к ней.

Ненависть к себе, острая и жгучая, хлестала плетью, придавая сил бежать еще быстрее.

Сколько прошло времени — минуты или вечность — она не знала. Но вот впереди показались огни, дома, люди. Вылетев на городскую улицу, Лисенок, задыхаясь, бросилась к прохожим. Голос дрожал и срывался, слова путались, разбиваясь о спазмы в горле. Невнятно, сбивчиво, кое-как она объяснила, что случилось. И люди откликнулись. Несколько крепких, решительных мужчин мигом запрыгнули в большой синий пикап. Девушку втащили в кабину, приказав указывать дорогу. Мотор взревел, и машина стремительно понеслась обратно, врезаюсь в сгущающиеся сумерки и разбрызгивая колесами грунтовую пыль. Лисенок вцепилась в сиденье, молясь, чтобы они успели. Чтобы он держался. Чтобы проклятое поле сжалилось и подарило им еще немного времени.

Несколько минут дороги растянулись в бесконечность. Каждая секунда длилась как час, вгрызаясь в сердце липким, тоскливым страхом. Когда пикап, наконец, затормозил на краю поля, Лисенок, не дожидаясь полной остановки, вылетела из кабины и со всех ног бросилась вперед, туда, в самую гущу проклятого места. Высокий бурьян хлестал по ногам, грязь противно чавкала под подошвами, но она даже не замечала. Продравшись сквозь колючую завесу, девушка выскочила на поле и замерла.

Тишина. Звонящая, привычная тишина, что свойственна опустевшим осенним нивам, когда птицы уже улетели, а ветер притих, устав гнать пожухлую листву. Это молчаливое спокойствие ударило в уши сильнее любого крика.

Его нигде не было.

Поле, равнодушное и величественное, глубоко спрятало свою страшную тайну. Плотная, влажная земля, кое-где припорошенная покосившимися колосьями и сорняками, не выдавала ни единой зацепки. Ни воронки, ни кочки — ничего, что указало бы на то, куда исчез юноша. Словно его здесь никогда и не было.

Мужчины разошлись по полю, громко выкрикивая его имя. Звонкие голоса резали вечернюю тишину, но ответом был лишь шелест ветра, срывающийся с далеких деревьев. Лисенок лихорадочно вглядывалась в землю, пытаясь восстановить в памяти каждый свой шаг, каждую отчаянную секунду, когда она продиралась сквозь бурьян к нему на помощь. И наконец, она указала примерное место.

Но там ничего не было. Ни взрыленной земли, ни ямы, ни даже намек на аномалию. Обычная пашня — влажная, плотная, местами поросшая мелкими иссохшими сорняками. Часть мужчин осталась продолжать поиски, растворяясь в сумраке, а остальные вернулись в пикап вместе с девушкой, чтобы привезти инструменты — лопаты, веревки, фонари. Через несколько минут их высадили на центральной улице, и мужчины, наскоро схватив снаряжение, вновь умчались в поле, туда, где осенний холод и липкая тьма уже начинали хозяйничать над влажной землей.

Хозяйка дома, пожилая добрая женщина, усадила обессиленную девушку на деревянный стул у крыльца и сунула в дрожащие руки стакан воды. Заботливо погладила по голове, пытаясь успокоить, убаюкать рассудительными речами:

— Может, тебе показалось, милая? — голос женщины звучал мягко, но уверенно. — Ночь на дворе, Хеллоуин... День такой, всякое чудится. У нас в городе болот отродясь не водилось. Торфяники есть, карьеры роют — да, но и те ближе к морю. Подземных рек тоже никто не находил... — Она покачала головой, словно отгоняя нелепую мысль. — Не могло его утратить. Прямо посреди фермерского поля... Это ж надо такое придумать. Ты знаешь, взрослые мальчишки могут очень жестоко шутить. Я, конечно, знаю, что он не такой, но мало ли...

Лисенок молча слушала и сквозь пелену слез, сквозь стук собственного сердца, разрывающего грудь, впускала в себя это сомнение. А что, если правда? Что, если показалось? Что, если это просто глупая, жестокая шутка, розыгрыш, чтобы напугать ее в канун Дня всех Святых?

Но колени, разодранные в кровь о пыльную дорогу, предательски ныли. А перед глазами до сих пор стояли его глаза — зелено-карие, любимые, напуганные до смерти.

— Нет, он бы никогда... Это... н-не шутка... — заикалась Лисенок.

— Ты давай успокаивайся и иди внутрь. Милли тебя накормит. А я пока дойду до его дома, поговорю с родителями. Не удивлюсь, если найду этого балбеса в его комнате.

— Они ушли в гости к миссис МакКин, — тихо прошептала девушка. — Поэтому я и не побежала туда... Все равно никто не откроет. Я растерялась... Надо было к фермеру... Ну почему я не побежала к фермеру?..

— Все будет хорошо. Я уверена. Вот увижу его — надаю оплеух! — громко возмутилась женщина, но теперь в ее голосе читалась едва заметная тревога. — Ох уж эти мальчишки...

Лисенок сидела на холодном крыльце, вздрагивая от беззвучных рыданий, и пустым взглядом провожала закат — багровое солнце уже нырнуло за лесную чащу, оставив лишь кровавые разводы на горизонте. В каждом отблеске его огня, изредка пробивавшегося между деревьев, она отчаянно искала надежду. Молилась всем богам, каких только знала, чтобы мужчины нашли его, вытащили, спасли, ведь времени у него почти не осталось.

Сердце сжималось так сильно, что, казалось, еще немного — и оно остановится вовсе. Столько всего она не успела... Не успела сказать, как он дорог ей. Не успела признаться, что эти прогулки, дурацкие шутки, его улыбка — все это стало для нее смыслом. Что он — ее первая любовь. И она никогда уже не сможет попросить прощения за то, что бросила. За то, что струсилa. За то, что разжала пальцы.

Ветер тихо насвистывал протяжные мелодии, напоминающие старинные кельтские мотивы. Он скользил между ветвями, трепал пожухлую траву и, казалось, вторил ее мыслям

— горьким и безысходным. А на землю уже опускалась ночь, холодная и сырая, пугая душу леденящей неизвестностью.

***Примечание автора:**

Хеллоуин уходит корнями в древний кельтский праздник Самайн— ночь, когда, по преданиям, граница между миром живых и мертвых истончалась, и духи могли проникнуть к людям. Чтобы защититься, кельты надевали страшные маски и костюмы: переодетого духи не узнают и пройдут мимо. Со временем мистическая защита превратилась в игру. Сегодня Хеллоуин — это повод проявить фантазию, нарядиться в любимых персонажей и повеселиться с близкими. Дети ходят по домам с фразой «Кошелек или жизнь», собирая сладости, а в каждом окошке мерцают тыквы со свечами — теперь уже просто так, для уюта и осеннего настроения.

Для книги создан специальный музыкальный альбом саундтреков для более глубокого погружения в атмосферу <https://band.link/WtDMtD>

Глава первая: С чистого листа

На улице стояла та теплая осенняя пора, о которой пишут поэты. Листья, словно драгоценные червонцы, тихо опадали на землю, кружась в воздухе в последнем, прощальном танце, и устилали ее мягким, шелестящим ковром. Где-то вдалеке, на прощание, птицы заливались звонкими трелями перед долгой дорогой в теплые края. Осень незаметно вступила в свои владения, сменив буйную зелень на уютную меланхолию. Настало время вечерних посиделок у костров, мягких пледов и горячего какао с корицей.

Этот сказочный, волшебный пейзаж Ирландии каждый день раскрывался перед глазами юной рыжеволосой девушки. И в этот вечер она по привычке сидела на крыльце небольшого деревянного домика, наблюдая за тем, как природа готовится ко сну. Вечерний туман неспешно расстилался вдоль полей и холмов, словно серебристое, призрачное покрывало, придавая усмирённым пейзажам легкую таинственность. Ветер, все еще по-летнему теплый и ласковый, игриво перебирал ветви деревьев, а в воздухе витал пьянящий коктейль из запахов сырой земли, дымки от горящих костров и терпкого мха.

Клэр набрала в легкие побольше воздуха: такой пронзительно-свежий, волшебный аромат! Спокойствие, умиротворение и тихая благодарность миру — именно с этим для нее всегда была связана осень. И наконец, после знойного лета наступило то самое, особенное время, когда хочется наслаждаться этой прекрасной порой. Ловить каждый миг, пока холода не вступили в права.

Но в эту осень все было иначе. Тепло уютного вечера не могло согреть ее изнутри — там уже поселился холод, от которого не спасали ни плед, ни какао с корицей. Случилось непоправимое: смерть отняла у нее самую близкую подругу. Ту, чей смех теперь навсегда остался лишь эхом в воспоминаниях. Клэр смотрела на закат, и впервые в жизни благодарность и умиротворение не приходили. Их место заняла тяжелая, вязкая тоска. Смирение казалось невозможным, а будущее без нее — пустым и бессмысленным. Эти чувства пожирали ее изнутри.

И потому она приняла решение приехать к бабушке в маленький тихий городок, взяв академический отпуск в юридическом университете прямо в выпускной год, где она училась вместе с ней — жизнерадостной и яркой Тэсс. Они были не просто подругами — они были частью одной жизни, одного расписания, общих бессонных ночей перед экзаменами. Одногруппницы. Это слово теперь отдавало горечью. Потому что приходиться в аудиторию и видеть ее пустое место, где еще недавно лежала тетрадь с конспектами, где она закатывала глаза на скучных лекциях и шепотом делилась новостями, — было невыносимо. Мир продолжал вращаться, занятия шли своим чередом, но для Клэр этот порядок вещей стал насмешкой. Как можно учиться, когда часть тебя похоронили? Как сидеть на лекции и слушать преподавателя, когда мир стал таким неправильным?

Их дружба родилась именно там — в университетских аудиториях, на шумных переменах, за общим конспектом по гражданскому праву. Клэр Хейс и Тэсс Хьюз стали подругами с самой их первой встречи: девушки сразу ощутили невидимую связь друг с другом. Они делили все: радости и горести, сердечные тайны и общие дедлайны, переживания из-за несданных экзаменов и восторг от первых побед. Клэр всегда удивлялась, как легко ей дышится рядом с Тэсс: та словно подпитывала ее своей невероятной, почти осязаемой энергией. Яркая, зажигательная, совершенно безбашенная, она могла болтать без умолку: о парнях, о романтике, о свиданиях, о бабочках в животе, которым она могла посвятить целый вечер. Раздавала женские советы направо и налево и учила, как наслаждаться каждой минутой жизни. С легкостью врывалась в любую компанию, знакомилась с полудюжиной новых людей за вечер, вызывалась волонтером в приют или становилась организатором студенческого мероприятия — и всегда сияла.

Клэр иногда ловила себя на тихой, безобидной зависти к ее бесконечной батарейке. Ей самой всегда не хватало смелости для таких спонтанных поступков. Она была полной противоположностью Тэсс: сдержанная, рассудительная, дисциплинированная, привыкшая все планировать и взвешивать. Но за этой внешней собранностью пряталась ранимая душа. Слишком чуткая, слишком эмпатичная, а потому — уязвимая перед миром, в котором Тэсс чувствовала себя как рыба в воде. Именно у нее Клэр училась смелости быть самой собой — то, чего ей так отчаянно недоставало все эти годы.

Клэр, рассудительная и усидчивая, помогала Тэсс не утонуть в учебных задачах, а Тэсс, легкая и смелая, приоткрывала перед ней дверь в мир, где правят балом флирт, улыбки и романтические игры. Но Клэр почти не касалась всего этого: сначала школа, потом универ пожирали все ее время. Но где-то глубоко внутри, под корой ответственности и жесткой дисциплины, жила девочка, мечтающая о настоящей сказке. Жизнь казалась такой большой, манящей, полной надежд...

Но у судьбы, как оказалось, были на этот счет свои планы — и после осталась лишь звенящая тишина.

А через некоторое время после ее похорон Клэр рассталась с Шоном. Тихо, буднично, без слез и бурных выяснений. Шон Фаррелл был ее первой студенческой любовью — симпатичный парень с курса, с которым они начали встречаться еще в третьем семестре. Но после того, как не стало Тэсс, Шон словно потух. Отстранился, замкнулся в себе, перестал замечать чужую боль — или просто не знал, как на нее реагировать. Клэр не стала его удерживать. Решил уйти — значит, пусть уходит. На бурные сцены у нее просто не осталось сил. Все закончилось быстро и безболезненно. Ни звонков, ни встреч, ни забытых вещей. Шон исчез из ее жизни так же просто, как и появился.

И вот теперь, глядя на падающие желтые листья, Клэр перебирала в памяти те светлые, теплые моменты, что случились до. До того, как мир раскололся. В прошлом все казалось таким уютным, как старое кино на 35-миллиметровой пленке, пропущенное через розовый фильтр. Кино под названием «Беззаботная юность».

Май 2018 года

Девушки сидели на густой траве под высоким раскидистым кленом перед кампусом юридического факультета. Тринити-колледж — старейший и самый престижный университет Ирландии — гудел привычной жизнью. Мимо сновали студенты: кто-то проезжал на велосипеде, кто-то спешил на экзамены, а кто-то неспешно прогуливался вдоль аллеи из аккуратно подстриженных кустарников. Вовсю пекло солнце, но под густой кроной было прохладно и уютно — идеальное место, чтобы заниматься и наслаждаться майской погодой.

Рядом с девушками небрежной стопкой лежали учебники — по юриспруденции и непрофильным предметам, которые Тэсс искренне считала лишними для будущего юриста.

— Глянь-ка, какой красивый парень, — прошептала светловолосая стройная Тэсс, в красном платье в белый горошек, протягивая телефон подруге. — Это Шон. Гордость университета — спортсмен. И девушки, кажется, нет.

— Угу, очень красивый, — не отрываясь от книги, отозвалась рыжеволосая Клэр. Джинсы, белая футболка, сосредоточенный взгляд — она была воплощением прилежной студентки. — Давай учить, Тэсс. Зачет скоро.

— Да учу я, учу, — пробубнила та, но телефон не убрала, продолжая любоваться фотографией. — Ты посмотри только! Ну как тут учиться?

Клэр подняла на нее строгий взгляд и назидательно произнесла:

— Мы не сдадим этот несчастный зачет, если ты не прекратишь меня отвлекать и не начнешь учить прямо сейчас.

— Ну давай сюда свой учебник, — фыркнула Тэсс, театрально закатив глаза, пролистав пару страниц и тут же захлопнула. — Нет, я не могу. Кто вообще это придумал — все это заучивать? Я сойду с ума.

Клэр усмехнулась и снова уткнулась в книгу. Она училась на отлично, выкладывалась по полной. Тэсс же училась ровно настолько, чтобы не вылететь: оценки ее не волновали, стипендия не интересовала, а пересдача не пугала. Жизнь была слишком коротка, чтобы тратить ее на скучные параграфы. В ее мыслях уже крутилось совсем другое кино: огромное поле, ревущие трибуны, она — чирлидер в короткой синей юбке и белой футболке, держит в руках большие розовые помпоны, а в волосах развеваются золотистые ленточки. А он — красивый футболист, хватает ее за талию и кружит под аплодисменты. Заглядывает ей в глаза — синие, как вечернее небо, улыбается, заворожено восхищаясь ее красотой, и тихо шепчет: «Люблю».

Она так увлеклась, что не сразу поняла: мечта материализовалась. По тропинке прямо в их сторону неспешно брел светловолосый широкоплечий парень. Тот самый с фото.

— О боже мой. Клэр! — Тэсс резко вскочила и опрокинула учебник. — Это Шон. Шон Фаррелл! Он идет сюда!

Она засуетилась, принявшись поправлять прическу и отряхивать платье, но в итоге плюхнулась обратно на траву, пытаясь сделать вид, что это не она только что чуть не подавилась собственной паникой.

— Кто? — Клэр подняла голову, рассеянно оглядываясь, но тут же вернулась к книге. Парни ее не волновали. Особенно спортсмены — напыщенные, высокомерные, с вечными разговорами о турнирных таблицах и очках. Скука.

— Ну Шон! — зашипела Тэсс, хищно высматривая его издалека. — Я же тебе показывала!

Но Клэр лишь пожала плечами и перевернула страницу.

В свои восемнадцать Клэр не имела большого опыта общения с противоположным полом. Почти все время уходило на учебу и многочисленные хобби: Клэр играла на пианино и даже сама пела, но стеснялась своего голоса, и потому ее исполнение могли услышать разве что самые близкие люди. Пробовала рисовать, танцевать, заниматься гимнастикой — в целом, что угодно, на что хватало сил. Но больше всего она обожала читать: могла за вечер проглотить книгу, устроившись под пледом с кружкой какао. Эта страстная тяга к литературе родилась еще в детстве, с тех самых пор, как бабушка подарила ей «Алису в Стране чудес». В книгах любовь всегда описывали как нечто волшебное, захватывающее дух — с теми самыми бабочками в животе, о которых взахлеб щебетала Тэсс после каждого свидания.

Клэр ни к кому такого не испытывала, но твердо усвоила: бабочки — символ настоящей любви. Трепет, волнение, сладкий холодок под ложечкой. Так было описано во всех романах, что она читала, так говорила Тэсс, так устроен мир. И она ждала их. Верила в них как в единственный верный знак. Ей так хотелось узнать, каково это — влюбиться без памяти, потерять голову, но в то же время она не была готова. Может, боялась. Но сама не знала, чего именно. И потому старалась держаться подальше от мужского внимания. Пусть лучше бабочки прилетят сами, когда придет время. Она встретит его случайно и поймет: он тот самый.

Шон заметил, как Тэсс подпрыгнула и ткнула в его сторону пальцем. Ему стало любопытно: она про него говорит? Недолго думая, он направился к девушкам.

— Девчонки, привет! Я тут искал... — он замялся, но тут взгляд упал на учебник в руках Тэсс. — О, юриспруденция?

— Да, мы будущие юристы! — с гордостью выпалила она, без застенчивости пожирая его глазами.

Шон усмехнулся и протянул руку:

— Я Шон Фаррелл, учусь на экономическом.

— Тэсс, Тэсс Хьюз. — Девушка смущенно пожала его ладонь, поднявшись с травы. — А это моя подруга Клэр. Клэр, поздоровайся! — шепнула она и толкнула ту кулачком в плечо.

— Привет, Шон, — равнодушно бросила Клэр, едва оторвавшись от книги.

Юноша и правда был неплох. Высокий, широкоплечий, симпатичный. Светлые волосы торчали ежиком, а губы искривила улыбка — и показалась Клэр слишком надменной и глуповатой. Что, в общем-то, и ожидаемо от спортсмена, Клэр была несколько не удивлена.

— Учеба превыше всего? — заметил он ее холодность.

— Разумеется, — отрезала Клэр.

— А что именно изучаете? — Он бросил взгляд на книгу у нее в руках. — Бирн. Ирландская правовая система. Готовитесь к экзамену?

— Да, — коротко ответила девушка, надеясь, что диалог на этом иссякнет.

Но Шон не сдавался:

— На каком разделе? Уже дошли до прецедентов?

Клэр подняла глаза на собеседника. Шон внимательно посмотрел в ответ, а потом перевел взгляд на Тэсс: та переминалась с ноги на ногу, глупо улыбаясь и явно не понимая, о чем идет речь.

— Пока нет, — ответила Клэр, и краешек ее губ дрогнул. — Это на втором курсе, а мы на первом.

Она была приятно удивлена: парень разбирался в специфической литературе. Довольно неожиданно.

— Что ж, тогда не буду мешать, — попытожил Шон, вновь скользнув взглядом по Тэсс: она все еще накручивала светлую прядь на палец. Он задумчиво улыбнулся и развернулся, чтобы уйти.

Клэр заметила, как разочарованно выдохнула подруга и неожиданно для самой себя сказала:

— Ладно, мы уже достаточно позанимались. Не хочешь выпить с нами кофе? Заодно расскажешь, откуда такие познания в главах учебника.

Шон обернулся. На лице вспыхнула искренняя, почти мальчишеская радость.

— С удовольствием!

Полгода спустя

Клэр и Тэсс сидели в своей любимой кофейне, неспешно потягивая горячий ароматный кофе. В воздухе витал запах корицы и свежей выпечки, а за окном золотые листья кружились в прощальном танце. Девушки болтали и смеялись, наслаждаясь их любимой осенней порой. Новый учебный год, второй курс. Самое интересное еще впереди.

— Да... Кто бы мог подумать, что вы с Шоном будете встречаться! — Тэсс потрепала подругу по плечу и звонко рассмеялась. — Ты же такая Снежная Королева вся! Но ему как-то удалось растопить твоё ледяное сердечко. Это так романтично.

— Ой, скажешь тоже. Не такая уж я и ледяная.

Тэсс мечтательно вздохнула и игриво протянула:

— Но забавно получилось, конечно, ведь я первой его заприметила. Но, к счастью, судьба свела меня с Джоном. Ой, не могу, какой же он классный! Я по уши влюблена! — запищала она, вспоминая их недавнее безумное свидание.

— Я до сих пор не верю, что согласилась на отношения, — усмехнулась Клэр, обхватив ладонями теплую кружку. — Это, наверное, ты меня на них вдохновила.

Серьезные отношения всегда давались ей тяжело. Она довольно быстро привязывалась к людям и слишком болезненно их отпускала. Проще было держаться легкого, ничего не значащего флирта, что длится не дольше месяца. Да только и его почти не случалось: вечно не хватало ни времени, ни подходящего человека. Но с Шоном вышло иначе. Все длилось дольше,

чем она могла предположить. Сначала Клэр сопротивлялась, втайне надеясь, что Шон обратит внимание на Тэсс, а ее оставит в покое. Казалось, так и должно было случиться. Но он выбрал ее — скрытную, гордую, вечно занятую Клэр. Тэсс же, напротив, влюблялась легко и быстро, отдавая каждому избраннику частичку своего горячего сердца, и так же легко забывала. И однажды увлеклась Джоном, парнем из приложения для знакомств, в котором утонула без остатка. Вот так, буквально за одно свидание.

А через несколько дней после этого Шон предложил Клэр отношения. Просто так, сидя на лавочке, смущенно вздохнул и пробубнил: «Клэр, я тут подумал... А ты не хочешь со мной встречаться?» Она взяла паузу на размышления и, на удивление самой себе, вскоре согласилась и погрузилась в теплый, такой непривычный роман. Шон ей и правда нравился: с ним было легко, он был в ее вкусе и при этом выгодно отличался от других спортсменов — умнее, вдумчивее, глубже. Она заметила это еще с первой встречи, и с каждой последующей Шон все больше раскрывался с выгодной стороны. И это цепляло. Они стали встречаться, ходить на парные свидания, гулять допоздна, вместе путешествовать и просто дурачиться, как дети. Их мир, пусть еще маленький, казался целым и по-настоящему ярким.

— Не зря же он все время крутился возле нашей компании, — мечтательно протянула Тэсс, размешивая сахар в капучино. — Он просто влюбился в тебя с первого взгляда. Еще в тот день, когда мы познакомились.

— А мне казалось, что в тебя, — тихо буркнула Клэр, пряча взгляд за кружкой. — Он так на тебя смотрел...

— Тебе показалось, — отмахнулась подруга с легкой улыбкой, отложила ложку и потянула напиток через трубочку. — Если бы в меня, то мне бы и признался, правильно? И вообще, мы с ним совсем не смотримся. А вот вы — идеальная парочка!

— Ну скажешь тоже, — смущенно фыркнула Клэр, а в глазах промелькнуло тепло. — Я так рада, что у вас с Джоном такая любовь. Ты просто светишься вся, — искренне добавила она.

— Спасибо! — Тэсс мечтательно закатила глаза. — У меня в животе бабочки порхают, когда он рядом! Это так волшебно... — Она запрокинула голову, глядя в расписной потолок кофейни, и, кажется, уже парила где-то далеко. В своих грезах она давно вышла за Джона замуж, родила троих детей, и они купили большой светлый дом где-нибудь в Англии. Джон казался таким надежным, сильным, уверенным в себе. Тэсс могла полностью на него положиться — почти так же, как Клэр доверяла Шону.

Спустя четыре месяца

Тэсс металась по комнате, как дикий зверь в клетке. Все, что попадалось под руку, непременно летело в стену: книги, телефон, светильник, кружка с недопитым чаем — осколки брызнули в стороны, разнося по комнате ее слепую, испепеляющую ярость. Вещи разбивались вдребезги, и казалось, душа самой Тэсс разрывалась на тысячу осколков вместе с ними.

— Урод! Чертова скотина! — кричала она, задыхаясь от гнева, и новый предмет с грохотом встречался со стеной. — Ненавижу! Уничтожу!

Клэр стояла в стороне, не зная, как подступиться. А потом просто шагнула вперед и обхватила подругу сзади за плечи, крепко прижимая к себе.

— Тэсс... мне так жаль, — прошептала она.

Тэсс вздрогнула, судорожно втянула воздух и обмякла. Рывком развернувшись, уткнулась лицом в шею подружки и зашлась в беззвучных спазмах. Слезы душили ее, как тугая удавка, а крупная дрожь сотрясала все тело, не давая вдохнуть. Светлые волосы растрепались, прилипли к мокрым щекам, а синие глаза превратились в бушующее, штормовое море.

Джон бросил ее.

Улетел на учебу по обмену в Штаты. Сообщил ровно за день, чтобы не слушать мольбы, не видеть слез, не сдаваться под натиском ее отчаяния. С холодным расчетом, на который был

способен только он, Джон выбрал свое грандиозное будущее. Свою карьеру. Свою новую жизнь. А не ее.

Он мог бы попросить его дождаться. Мог бы пообещать вернуться. Если бы хотел. Но не хотел. В его планы не входили серьезные отношения. Как и возвращение в Ирландию. После учебы он останется там — работать, строить карьеру, любить кого-то другого.

— «Ты же такая влюбчивая», — выдохнула Тэсс сквозь слезы, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — «Найдешь другого». — Она подняла на подругу опухшие глаза и сквозь зубы прошипела: — Циничная сволочь! Ненавижу его.

— Негодяй, — твердо сказала Клэр, глядя ее по спине. — Если когда-нибудь буду в Штатах и увижу его — прибью. Честное слово. — Она прижала подругу крепче. — Помни, я с тобой. Ты всегда можешь на меня положиться. В любое время. Мы с Шоном не дадим тебе грустить.

Тэсс шмыгнула носом, уткнулась в ее плечо и пробурчала в мятую рубашку:

— Я знаю. Поэтому и люблю вас.

Один из теплых летних месяцев после

— Клэр, стой! Дай сделаю фото! — голос Тэсс прозвенел колокольчиком, перекрывая шум прибоя. Она крутила в руках фотоаппарат, ловя удачный кадр, а теплый ветер играл со светлыми волосами, разбрасывая их по загорелым плечам. Волны с гулким всплеском разбивались о берег, откатывались назад и снова накатывали на скалы, и этот ритмичный шум сливался с ее смехом, улетаая куда-то ввысь.

— Нет, никаких фото! Я хочу купаться! — взвизгнула Клэр и, не раздумывая ни секунды, рванула в воду, взметнув брызги в воздух. Волны накрыли с головой — теплые, соленые, но такие приятные. Она вынырнула, смеясь и отфыркиваясь, и замахала рукой: — Мы столько этого ждали! Шон, иди скорее! Вода — сказка!

Шон улыбнулся, но остался стоять на берегу, наблюдая за ней с легкой полуулыбкой. Тэсс тут же нацелила камеру на него, закружила вокруг, будто брала интервью у важной персоны.

— Мистер Фаррелл, как вам это чудесное место? Ощущаете себя на сказочном острове? — ее голос звучал шутливо-торжественно.

Девушка бросила на него взгляд и тут же недовольно поморщилась — в глаза ударило яркое солнце. Но главное — удачный кадр!

— Конечно, — коротко ответил он, смущенно отводя взгляд от объектива. — Это все, о чем можно мечтать.

Она перевела камеру на Клэр, которая уже всю плескалась в волнах.

— Человек сдал сессию на отлично! — объявила она голосом спортивного комментатора. — Посмотрите, как радуется обычный студент теплему океану! Кажется, мне тоже пора.

Она выключила камеру, бросила ее на шезлонг, скинула тапочки — куда-то в сторону, не глядя — и с разбегу влетела в воду. Девушки завизжали, начали плескаться, и вода фонтаном взмывала в воздух, смешиваясь с их счастливым смехом.

Шон постоял еще мгновение, любуясь этой картиной, а потом сбросил футболку и шорты и медленно пошел к воде.

— Шон, давай быстрее! — Тэсс брызнула в него водой, едва он вошел по колено. Он недовольно сморщился, но в глазах плясали задорные искорки. — Да ладно тебе, вода теплая!

— Сейчас ты получишь! — притворно-грозно прошипел он и рванул за ней, но Тэсс ловко скользнула в волну и вынырнула уже где-то в стороне, хохоча во все горло.

— Клэр, помоги!

Шон было дернулся за ней, но Клэр со смехом перехватила его, преградив путь, и обвила руками его шею. Вода доходила им до пояса, иногда поднималась выше, касаясь плеч, а волны мягко подталкивали их друг к другу.

— Тэсс, беги, спасайся, я задержу его!

Клэр подняла глаза — и встретила с его взглядом. А в следующее мгновение он наклонился и поцеловал ее. Так страстно, так самозабвенно, что мир вокруг перестал существовать. Голова закружилась, и только краем сознания девушка чувствовала соленый ветер, слышала где-то далеко смех Тэсс и видела закатное солнце, тонущее в золотистой ряби воды.

— Ой! — Тэсс всплеснула руками, вынырнув рядом. — Камера! Ну почему я оставила камеру?! — Она засмеялась, но в голосе послышалось искреннее сожаление. Она обожала ловить такие моменты — живые, настоящие, полные любви и света. А потом собирать их в свой маленький фильм о лете. Фильм, который однажды, может быть, станет началом чего-то большого.

Она верила: всё возможно.

Наши дни: осень 2020 года

Клэр и Тэсс были неразлучны — вместе и в радости, и в горе. Их связывало нечто большее, чем просто дружба: они были как родные сестры. Но за несколько месяцев до трагедии в Тэсс что-то изменилось. Не резко, не скандально — просто стала другой. Словно между ними пролегла невидимая стена, которая с каждым днем становилась все шире. Тэсс перестала звонить без повода, реже звала гулять, а потом и вовсе начала исчезать, не объясняя причин. Планы рушились в последнюю минуту, разговоры становились короче, и в этих паузах Клэр чувствовала холод, которому не находила объяснения.

Она старалась не придавать значения. Списывала на усталость, на горечь от предательства Джона, на учебу — до выпускного года оставалось не так много времени, наступил самый трудный и ответственный этап. Тэсс выглядела вполне счастливой, и все же где-то на периферии сознания пульсировало напряжение: что-то происходит. Что-то ускользающее, едва уловимое, но тревожное. Да, они по-прежнему вместе учились, помогали друг другу с занятиями, шутили и смеялись, но все чаще возникало ощущение, что Тэсс медленно отдаляется. Клэр не спрашивала. Не хотела давить. Может, просто боялась ответа. Слишком дорога была эта дружба, чтобы рисковать ею ради правды, которая могла оказаться горькой.

А потом все решила судьба.

Тэсс ушла холодным мартовским утром. Чуть больше полугода назад. Для Клэр этот день стал точкой невозврата.

Горе пришло не сразу. Сначала была пустота — глухая, тянущая, будто из груди вырвали кусок и оставили зияющую дыру. Мир продолжал двигаться, смеяться, жить, а внутри все замерло. Каждый звук казался неуместным, каждый солнечный день — насмешкой. Как будто солнце не имело права светить после того, как ее не стало.

Иногда, на долю секунды, Клэр казалось, что вот-вот — и раздастся звонок, знакомый голос рассмеется в трубку, и Тэсс вернется. А потом приходило осознание: не вернется. Никогда. И это било наотмашь — глухо, тяжело. Отчаяние накрывало, как огромная волна с тысячами ледяных иголок, пронзающих сердце насквозь.

Память подсовывала Клэр ее голос, взгляд, манеру говорить: Тэсс стала призраком, живущим в ее ночных кошмарах. Мир напоминал о ней везде — каждой мелочью, каждой деталью. Университетские аудитории с их запахом мела и скрипом стульев. Кофейня на первом этаже, где они коротали перерывы между парами. Круассаны и пирожные с ванильным кремом, которые Тэсс обожала запивать крепким кофе с густой молочной пенкой. И Клэр просто не смогла. Слишком больно было находиться там, где они с Тэсс провели лучшие годы своей юности.

Слишком стыдно за то, что она сделала.

Как гласила официальная версия, в момент аварии Тэсс просто отвлеклась от дороги. Мокрый асфальт, скользко, а в руках, вероятно, был телефон — не рассчитала скорость и не удержала руль. Машина слетела с трассы и врезалась в столб. Тэсс погибла мгновенно.

Но только Клэр знала правду: это она ее отвлекла своим сообщением. Накликала беду одной короткой фразой — глупой, злой, необдуманной. Видеорегистратор зафиксировал время аварии — всего через пару минут после ее сообщения, которое так и осталось непрочитанным. Мысли, озвученные громче, чем следовало, стали роковыми. Проклятье, которое дошло до адресата.

«Если бы я только не написала... Если бы дождалась ее возвращения, взяла себя в руки, не накручивала на ровном месте...» — эти мысли въелись в нее, как соль в открытую рану. И этого было достаточно, чтобы Клэр возненавидела себя и каждое утро вспоминала о содеянном, все глубже погружаясь в чувство вины. Гнев сменялся на апатию, а надежда превращалась в бессилие — бесконечный круг.

Никто не обвинял ее вслух, да и вообще вряд ли кто-то думал о подобном. Но внутри уже поселился голос — тихий, вкрадчивый, неумолимый: *«Это все ты. Ты прокляла ее. Чертова ведьма»*.

Конец весны и все лето Клэр провела в семейной фирме — пыталась укрыться в работе, зарыться в делах, лишь бы не думать о случившемся. Но вернуться в университет в начале нового учебного года уже не хватило сил — достаточно было всего пары дней, чтобы отчетливо это понять. Воспоминания о Тэсс все еще оставались слишком живыми. Их кофейни, их аудитории, их смех, который теперь отдавался эхом в пустоте.

Начало сентября Клэр провела в родительской квартире в Дублине, почти не выходя из дома. Осенняя меланхолия, обычно такая уютная, теперь только бредила раны, не давая им затянуться. Дни текли один за другим серой, непроглядной мглой, и Клэр, даже не сопротивляясь, позволяла себе тонуть в этой холодной пустоте.

Но в один из дней терпение ее матери лопнуло.

— Так больше нельзя, Клэр Хейс, — сказала Маргарет твердо, с назиданием, сложив руки на груди. — Ты хоронишь свое будущее. И мне это надоело. Собирайся — мы едем к бабушке.

Вуд-Хилл — маленький городок на окраине Ирландии, где воздух пахнет вереском и морем, а время течет медленно, как патока. Свежий воздух, бабушкины пироги с тыквой и апельсином, тишина и забота — лучшее лекарство, когда внутри царит разруха.

И вот уже почти месяц они гостили в уютном домике на краю городка, где Клэр стала понемногу оживать: училась заново замечать теплый свет в окнах, слушать шум дождя без сжимающегося сердца, пить чай и не думать каждую секунду о том, что Тэсс больше нет.

Маргарет взяла отпуск, но не так давно он закончился, и она временно осталась работать дистанционно. Не могла бросить Клэр — нужно было убедиться, проконтролировать, что с ней все в порядке, и она не натворит каких-нибудь глупостей. Отец тем временем остался в Дублине: Джордж Хейс не мог бросить работу. Семье Хейс принадлежала небольшая юридическая фирма, и именно там Клэр предстояло построить будущую карьеру. Она никогда не мечтала быть юристом. Это был не ее выбор, а семейный долг, который переложили на ее плечи после того, как старший брат улетел в другую страну заниматься искусством. Но Клэр, к удивлению родителей, справилась. Острый ум и врожденная интуиция стали ее преимуществом в юриспруденции. С первого курса она показывала блестящие результаты, ловила похвалы преподавателей и чувствовала... гордость? Наверное. Или просто облегчение от того, что хотя бы здесь, в сухих формулировках законов, есть понятная логика.

И как бы Клэр не хотелось, чтобы вся семья была рядом, обстоятельства всегда складывались не в ее пользу. Джордж был человеком дела — с горящими глазами, живым интересом ко всему, за что брался, и важной привычкой не бросать начатое на полпути. И Клэр понимала его на сто процентов, ведь характером она явно пошла в него: такая же упрямая, решитель-

ная, невероятно любопытная. А вот доброту и эмпатию унаследовала от бабушки — вместе с рыжими вьющимися волосами.

Клэр протянула руку и поймала падающий лист. Пурпурно-оранжевый, с золотыми прожилками, он мягко лег ей на ладонь. Слишком идеальный, словно природа создавала его специально для этого мгновения. Где-то далеко, на границе слуха, еще тянулась тонкая струна осенней мелодии: пение вечерних птиц, шелест деревьев, завывание ветра в далеких полях. Клэр закуталась в мягкий коричневый плед и улыбнулась — едва заметно, уголками губ. Мир не остановился, жизнь продолжается. Пусть и не так, как ей бы хотелось.

«Мне так тебя не хватает», — подумала она с тихой грустью. — «Тебе бы здесь понравилось. Почему я никогда не предлагала приехать сюда?»

— Клэр, милая, иди в дом — ужин готов! — послышался ласковый голос старушки из окна.

— Иду, бабушка! — крикнула она в ответ, встала с кресла и, оставив на нем плед, вернулась в дом.

Маленький, уютный, он встретил девушку теплом и приятным ароматом свежее испеченного хлеба. Бабушка Клэр, Флоренс Келли, ждала ее на ужин. Добрая, улыбчивая старушка с глубоко седыми волосами, собранными в тугую пучок. Она любила внучку больше всех на свете, и каждый приезд встречала пирогами, булочками, чем-то особенно вкусным. Клэр обожала ее выпечку. Но еще больше — эти морщинистые теплые руки, которыми она ее готовила. В бабушке Клэр видела отражение себя — той, кем могла бы стать когда-нибудь.

Флоренс не ждала визита внучки при таких обстоятельствах, но всегда была ей рада. И сейчас она делала то, что умела лучше всего: кормила, обнимала, была рядом, когда нужно, и рассказывала истории прошлого, когда становилось совсем тоскливо. Она не лезла в душу без спроса и понимала чувства девушки без слов — это и было нужно.

На большом дубовом столе, накрытом льняной скатертью с вышитыми мини-тыковками, красовался настоящий осенний пир. Ароматный ржаной хлеб с тмином — с хрустящей горячей корочкой, соблазнительно лопнувшей посередине. Кусочки говядины с картофелем, запеченные в горшочках. Салат из свежих овощей, выращенных в бабушкиной теплице. И на десерт — тыквенный пирог, от которого пахло корицей и детством.

Клэр скинула с плеч шерстяной плед, бросила его на кушетку и собрала копну рыжих волос в небрежный хвостик. Потом подошла к раковине — дедушкиной работы, который бабушка ни за что не соглашалась убрать, даже когда провели воду и поставили привычную современную раковину. Клэр улыбнулась, вспомнив дедушкины руки, его вечную возню с инструментами, запах дерева и металла в мастерской. Открыла кран и подставила ладони под прохладную воду, словно смывая с себя тяжелые мысли. Вытерлась, еще раз взглянула на раковину — и села за стол.

Маргарет включила приятную музыку на старом проигрывателе, для которого Клэр до сих пор покупала виниловые пластинки, прикрыла шторы и присоединилась к семье. В доме заиграла музыка — тихая, спокойная, идеально подходящая под уютный осенний вечер. Мелкими искрами потрескивал камин, а закат плавно сменился светом фонаря, проскальзывая в неплотно занавешенные окна. На кушетке в клубочек свернулась серая с белыми полосками кошка — любимица Флоренс и Клэр. А на стенах висела искусственная паутина, и по всему дому мерцали свечки в виде тыкв и маленьких белых привидений — близился Хеллоуин.

Семья размеренно ужинала за столом. Каждый вечер втроем — уже почти традиция. Впрочем, как и то, что Маргарет то и дело отвлекалась: то на телефон, то на какие-то бумаги, которые совершенно не боялась приносить за обеденный стол.

— Кажется, скоро я вернусь в Дублин. Без моего личного присутствия ничего нормально сделать не могут! — эмоционально бросила она, попутно что-то набирая на экране мобильного.

— Клэр, если хочешь — можешь вернуться домой вместе со мной. Я не смогу больше тут оставаться, ты уж прости. Иначе эти бестолковые испортят мне весь проект.

Но Клэр пока не была готова к возвращению. Ей хотелось как можно дольше пожить в этом тихом и родном с детства городке, провести время с любимой бабушкой, отдохнуть от вечной столичной суеты.

— Спасибо, мам. Я пока не планировала уезжать, — спокойно ответила она, накалывая кусок мяса на вилку.

— Хорошо, тогда позвони, когда будешь готова. Я тебя заберу, — дежурно бросила мать и, наконец, отложила телефон, принявшись за медленно остывающий ужин.

— Клэр, а ты уже решила, где будешь отмечать Хеллоуин? — поинтересовалась бабушка.

— Нет, бабуль, пока не думала. Пожалуй, я все же останусь дома, никаких предложений не поступало, — тихо ответила Клэр и вздохнула: настроения праздновать совсем не было.

— Ну и хорошо, я буду рада провести с тобой праздник, — улыбнулась старушка.

С внучкой у нее были самые теплые отношения. А вот с дочерью повезло меньше: Маргарет была всегда слишком активной, непоседливой, конфликтной и уехала из дома, как только достигла совершеннолетия. Вышла замуж, обосновалась в Дублине. И приезжала только летом — привезти Клэр на каникулы, и лишь иногда — на Рождество.

— Простите, мне пора, — подскочила Маргарет. Кажется, на работе что-то пошло не так.

— Спасибо за ужин, мам.

И удалилась в свою комнату — привычное дело. Клэр тоже закончила ужин и перешла к десерту.

— Этот пирог просто изумителен! — неожиданно воскликнула она, откусив первый кусочек. — Впрочем, как и всегда, бабуль. Твои пироги — мое лекарство от всех бед.

Клэр часто приезжала к бабушке в Вуд-Хилл — летом, на школьных каникулах. И непременно объедалась фруктами и ягодами с бабушкиного огорода, купалась в прохладной чистой реке, бегала босиком по густой траве, нежилась под лучами солнца, развалившись на газоне и выискивая загадочные фигуры в облаках. Каталась на старом дедушкином велосипеде, который был ей слишком велик. Гуляла по улицам до самого вечера с подругой — местной девчонкой Рут Браун, с которой познакомилась еще в десять лет и так и продолжала дружить, несмотря на время и расстояние. И иногда по ночам считала звезды, ища любимые созвездия на небе, и размышляла о жизни на других планетах. *«Неужели мы одни во Вселенной? Есть ли другие миры — загадочные и прекрасные? Хотелось бы верить. Но если мы одиноки — сколько зря пропадает пространства».*

Но взрослая жизнь совсем не такая, как представлялась в детстве. Клэр даже не заметила, как выросла, как отпраздновала свое двадцатидвухлетие. И с каждым годом время только ускорялось. Она не приезжала в Вуд-Хилл уже пару лет — учеба отнимала все свободное время, а летом к тому же добавилась практика. Но сейчас, этой осенью, Клэр впервые смогла вспомнить это ощущение, когда день тянется так долго, будто прошла целая неделя.

Раньше она не смогла бы позволить себе так долго сидеть за ужином: учеба, хобби, отношения, дружба с Тэсс — все это требовало времени. А теперь она просто наслаждалась пирогом, медленно отламывая кусочек за кусочком, но, увы, не испытывала счастья. И совершенно не знала, как это исправить, хотя отчаянно хотела попробовать.

— Бабуль, завтра я планировала провести день с Рут. Мы встретимся в кафе, а после прогуляемся, — поделилась планами девушка.

— Конечно. Если что, заходите в гости, буду ей рада, — ответила старушка, и к ней на колени вскочила кошка. Флоренс нежно заговорила с ней, предлагая питомице кусочек мяса. Та обнюхала его, схватила угощение и вернулась на пол, с удовольствием облизывая свою ценную добычу.

— Бабушка, спасибо, все было очень вкусно. Я помогу убрать, ты сиди. — Клэр прибрала со стола, помыла посуду и отправилась в душ. Еще один день, прожитый без Тэсс, подошел к концу.

Ночью Клэр снился странный сон: не такой, к каким она привыкла, — бесконечные кошмары, граничащие с безумием. В этот раз было иначе. Интригующе, волнующе, но, на удивление, совсем не страшно.

Она неспешно идет по пустому, окутанному туманом полю, а вдали, посреди черной земли, кто-то стоит. Некто незнакомый, ни на кого не похожий, в длинном балахоне, скрывающем его лицо. На душе появилось тоскливое чувство, почти до слез, будто Клэр забыла что-то важное. Или кого-то, кто никак не может всплыть в ее памяти. Она медленно, осторожно идет навстречу незнакомцу, протягивает руку, желая прикоснуться и заглянуть в лицо, которое казалось таким родным и близким. Как кто-то из прошлой жизни, кого она должна была помнить, но почему-то забыла. Сердце отчаянно билось, тоскливо щема в груди.

— Кто ты? Мы знакомы?

В ответ тишина. Она продолжает тянуться, но силуэт не становится ближе.

— Так странно. Мне кажется, будто я забыла тебя. Но ведь никогда и не знала. Кто же ты?

Незнакомец приподнимает голову и улыбается. Клэр не видит глаз, черт лица, а только ее — улыбку. И просыпается.

Уже наступило утро. Лучи солнца настойчиво пробивались через занавески и словно заигрывали с девушкой, зазывая на улицу.

— О черт! Уже одиннадцать утра! — воскликнула Клэр, суетливо подскочив с кровати. В ее планы не входило спать почти до обеда. Однако она с удовлетворением отметила, что в эту ночь впервые обошлось без кошмаров, и наконец-то удалось нормально выспаться.

Буд-Хилл определенно шел ей на пользу. В квартире в Дублине кошмары уже стали обыденным явлением — почти каждую ночь. Клэр пила успокоительные, травяные настои для сна, практиковала йогу, но ничего не помогало справиться с тревожащими видениями. Чувство вины, тоска и апатия уверенно тянули девушку на дно ямы, выбраться из которой становилось все труднее. Мать поступила верно, привезя дочь сюда, к бабушке. В город, где Клэр всегда чувствовала себя уютно и спокойно.

Клэр сходила в душ и позавтракала самым вкусным в ее жизни омлетом — с беконом и помидорами черри, выращенными прямо в бабушкиной теплице. Флоренс, расположившись в деревянном кресле-качалке, с улыбкой посматривала на внуку, уплетающую завтрак за обе щеки. И искренне радовалась, что у внучки с каждым новым днем, проведенным здесь, улучшается аппетит. Она помнила, какой та приехала к ней тогда, в середине сентября: худая, угрюмая, колючая, как испуганный ежик. Но, кажется, это уже позади.

Клэр поблагодарила бабушку за завтрак и чмокнула в щеку. Старушка обняла ее в ответ, пожелав удачного дня, и потянулась за пряжей: нужно еще навязать шарфов в подарок к Рождеству. Навстречу выбежала жизнерадостная кошка и принялась крутиться в ногах, требуя ласки. Клэр подняла ее на руки, погладила за ушками и жадно чмокнула в макушку. Кошка довольно замурчала, пригравшись в объятьях.

— Мне пора бежать, милая, — виновато произнесла Клэр и опустила питомицу на кушетку. Кошка ловко спрыгнула и потянулась.

«Ладно, так и быть, иди. С тебя вкусняшки», — ответила она взглядом и улеглась отдыхать.

Клэр вернулась в комнату: пора собираться на встречу.

Перед высоким зеркалом она уложила густые непослушные волосы в крупные локоны и немного сбрызнула их духами, разлетевшимися по комнате тонким букетом из пионов, магнолии и ванили. Новый популярный аромат, подаренный мамой на день рождения. Клэр влюбилась в него с первого нажатия. И, недолго думая, добавила еще немного на запястья и шею.

Недовольно осмотрев свою прическу в зеркале, она осуждающе хмыкнула:

— Может все-таки перекраситься в темный? Или обесцветить?

Рыжие волосы — слишком банально и просто. Клэр почти всю жизнь их ненавидела. Вкупе с бледной кожей и веснушками, из-за которых она была похожа на морковку. Как можно ощущать себя привлекательной, когда все против этого?

В детстве уличные мальчишки не упускали случая поймать Клэр, зажать в углу двора и щекотать до истерики, дразня нелепыми прозвищами.

«Эй, морковка, проваливай отсюда, мы не хотим с тобой играть», — кричали они, едва заведя рыжую макушку Клэр.

«Тыквоголовая — пустая голова, такая ж бестолковая, как все твои слова!» — популярная дразнилка, придуманная заводилой, которую тут же поднимала остальная ребятня.

«Ты в этой шапке смотришься так... странно. Не носи ее больше. Почему? Ну, э-э-э... твои волосы, ну это... рыжие. Понимаешь? Торчат очень забавно. Как у бешеной белки, ха-ха», — сравнил ее с больным животным мальчик, который часто провожал Клэр со школы. После этого обидного сравнения она больше не разговаривала с ним. Единственный, кому она доверяла, на деле ничем не отличался от остальных. И вскоре, как и ожидалось, примкнул к компании, которая ее дразнила.

«Пугало-пугало, вернись на огород!» — кричали девчонки, когда Клэр хотела с ними подружиться. Они без раздумий подражали мальчишкам, даже не пытаясь понять причину. Главное — поддерживать коллективное настроение. Отличаться от остальных — плохо, быть как все — хорошо. И Клэр не понимала, почему все так несправедливо, и что с ней не так.

«Ты ведьма. Ну, рыжий цвет волос у девчонок, да еще и с зелеными глазами, как у тебя, — это верный признак древних ведьм, наделенных темной магией и опасной силой. Так в книжках написано, я все прочитал. А ты еще и злюка, совсем как ведьма. Мы не хотим с тобой дружить, понимаешь? Уходи», — пояснил один мальчишка — самый спокойный и рассудительный среди всей компании.

Но Клэр была несогласна. Она принялась изучать информацию, желая доказать, что они ошибаются, и это все полная чушь. Сказки для глупых детишек. А они уже достаточно взрослые, чтобы отличать правду от вымысла, и она предоставит доказательства. Десять лет — серьезный возраст, считала юная Клэр.

И после школы отправилась в библиотеку, но ничего толкового не нашла и потому решила зайти в интернет на компьютере отца. Он дремал после обеда, и Клэр незаметно пробралась в его кабинет. И очень скоро в мировой невидимой паутине нашла столько информации о ведьмах и колдунах, что волосы встали дыбом. Древние истории, сказания, легенды, статьи в газетах — все как один писали, что ведьмы реальны. Люди боялись их с давних времен. И исторические сводки это только подтверждали. Клэр разочарованно закрыла браузер и горько вздохнула. Она точно ведьма. Так написано в книгах. А книги не могут лгать. Все сходилось.

«Ну что ты смотришь на меня опять своими хитрыми глазами, недовольно так, исподлобья? Опять задумала что-то нехорошее?» — вопрошала мать всякий раз, когда девочка не слушалась и выказывала протест против несправедливых родительских правил.

«Ну вот, опять договорилась? Накаркала, ворона ты моя. Вот посмотри, как ты ляпнула, так и случилось. Следи за словами, Клэр, я тебя прошу!»

«Может, они и правы... Я и вправду ведьма? Стоит мне только разозлиться, как что-то плохое обязательно случается», — тайно думала маленькая Клэр, наблюдая за тем, как ее

обидчики получают по заслугам, стоило ей лишь подумать о справедливости. — *«Нужно было слушаться маму: она знает меня лучше, чем я».*

А тем временем возмездие настигало виновников быстро и безукоризненно.

Вот один мальчишка громко плачет на весь двор, отруганный матерью с позорным хлопком по пятой точке в свои десять прямо у друзей на глазах, и в наказание за непослушание отправленный читать книжки, рекомендованные на лето. Клэр наблюдала за этой сценой из своей комнаты через окно и довольно улыбалась: *«Поделом тебе, вредина!»*

Другого бабушка увезла в деревню на все лето без возможности видаться с ребятами со двора. Его мнения не спросили: так решили родители, и точка. Клэр только видела мимоходом, как его усаживают в машину и убирают чемодан в багажник. Выглядел он при этом очень расстроенным, но Клэр ликовала внутри.

А третий упал с велосипеда прямо на глазах у Клэр: он дразнил ее тыквоголовой, а она слишком сильно разозлилась и прикрикнула на него. Мальчишка проехал всего пару метров, кривляясь ей вслед, а затем потерял управление и свалился на землю. К счастью, обошлось без переломов. Но четвертому так не повезло. Он сломал ногу при загадочных обстоятельствах и целый месяц пролежал в гипсе, пропустив начало лета. Так распалась компания, которая задирала Клэр. Оставшиеся мальчишки, кто вел себя гораздо скромнее без заводов, просто обвинили в случившемся Клэр: ведьма заколдовала их товарищей. И девочка тут же почувствовала себя виноватой в случившемся. Ведь она так жаждала справедливости, и забияки получили по заслугам. Но ведь не такой ценой... И ей стало уже не до смеха.

После этих событий Клэр предпочла провести оставшиеся летние каникулы у бабушки в тихом Вуд-Хилле. Родители мгновенно согласились: старший сын уже пару недель как уехал на подработку в летний лагерь, и если отправить младшую к бабушке — можно, наконец, заняться давно откладываемыми делами.

В маленьком городке, как ни странно, никто ее не дразнил и не обижал. На улицах было тихо и спокойно, жизнь просто текла своим чередом в гармонии с природой. И там девчушка довольно быстро подружилась с темноволосой Рут, которая, к огромному удивлению самой Клэр, восхищалась ее огненными кудряшками и мечтала о таких же. Девочка даже выпросила у мамы себе рыжий парик, и девчонки однажды устроили забавную фотосессию со смешными позами и рожицами. Рут принимала Клэр такой, какая она есть. Любила ее искренне — так, как только могут любить подруги. И с тех пор каждое лето Клэр ездила к бабушке на каникулы. Несмотря на редкие встречи, их дружба не угасала и не становилась слабее: казалось, девчонки просто замораживали время до следующих каникул и продолжали дружить — легко и непринужденно, будто виделись только вчера.

Клэр вынырнула из воспоминаний и встряхнула головой. В детстве она была уверена в своих магических способностях и боялась их, но с возрастом это как-то позабылось. Однако смерть Тэсс всколыхнула старые раны, и страх охватил с новой силой. В хорошие дни этот страх забывался, но в плохие, в самые темные и жуткие — с силой сжимал горло, не давая вдохнуть ни грамма воздуха.

Подруги договорились встретиться примерно в час дня, пообедать в кафе в центре города, а дальше как сложится судьба — планов не было. Рут была несказанно рада такому длительному визиту подруги, несмотря на трагичные события. Она так скучала по ней, по их прогулкам, длинным беседам, их особенным, персональным шуткам и подколам, ведь за последние полтора года они виделись лишь раз, и то прошлым летом, когда Рут приезжала в Дублин на выходные. Но теперь у них полно времени.

Осенью можно показать столько всего чудесного в жизни фермерского городка, что было недоступно летом: понаблюдать за сбором пшеницы и овса, а после — забраться на один из бескрайних стогов соломы на опустевших полях и с уютной меланхолией наслаждаться пушистыми облаками. Провести уборку урожая в садах от иссиня-черных спелых слив до красно-

бордовых ароматных яблок. Набраться полезных знаний в сборе и хранении картофеля. Полюбоваться ярко-оранжевыми тыквами в огромных амбарах — главным атрибутом осеннего настроения. И в этом городке их было немало: почти каждый третий житель занимался фермерством и садоводством, зарабатывая этим на жизнь. Тыквы, картофель, капуста, кабачки, кукуруза, яблоки и еще десятки различных культур можно было увидеть не только на ярмарках и местных магазинах, но и по всей стране: фермеры импортировали свой урожай в разные уголки Ирландии.

Клэр всегда было интересно понаблюдать за деревенской жизнью, когда душное лето сменяется спокойной осенью. И потому девушки даже составили чек-лист «осеннее настроение» и методично его выполняли, когда у Рут появлялось свободное время. Правда, в одно из таких заданий, почти сразу после ее приезда в город, случилось то, чего Клэр совсем не ожидала. Она встретила с местным парнем по имени Джейк — однокурсником Рут.

С ним они уже были знакомы — номинально, случайно. Позапрошлым летом, когда она ждала Рут возле колледжа, он подошел сам. Но вместо приветствия — едкие шутки, вместо доброжелательных улыбок — словесная перепалка. Она ответила тем же, не уступая ни в чем, а после уехала домой, в Дублин, и тут же забыла. Вычеркнула из памяти, как ненужную заметку. Но сейчас, вспоминая прошлое, понимала: ничего она не забыла. Просто сделала вид, обманула саму себя. Потому что если бы призналась себе, что тот разговор задел — пришлось бы признать и то, что Джейк ее тогда заинтересовал. Но она не могла позволить этому чувству стать реальностью: влюбиться с первой встречи в заносчивого, невоспитанного мальчишку не входило в ее планы. Учеба и стабильность превыше всего. И потому выбрала забыть. И это было несложно: вернувшись в родной город, она быстро влилась в привычный процесс.

Джейк же, спустя время, зачем-то решил продолжить это незадавшееся знакомство и нашел ее в соцсети, продолжая проявлять активность уже после ее отъезда домой. Иногда писал какие-то глупости, задавал вопросы невпопад, делился странными постами, иногда ставил сердечки под фотографиями. Правда, Клэр с трудом находила время публиковать новые снимки, потому Джейк мало что знал о ее личной жизни. А когда однажды выложила совместное фото с Шоном — то и вовсе пропал. И казалось, больше не было причин ей писать: юноша понял, что Клэр не свободна, и поумерил свою страсть.

Но вот, спустя два года, Клэр вновь встретила его — теперь гораздо более дерзкого, заносчивого, высокомерного, чем он казался прежде, но в то же время довольно привлекательного.

Клэр слегка припудрила лицо, подкрасила губы розово-коричневой помадой и прошлась по ресницам тушью.

«И зачем я так старательно навожу макияж, прическу?» — цинично цокнула девушка и закатила глаза. — «Ну нет, ни в коем случае. Нет. Не вздумай, Клэр!»

А в памяти всплыла их недавняя встреча, после которой в ее мысли нагло проник Джейк Уолш.

Джейк сидел на стоге сена, на самом его верху, и тихонько посмеивался, наблюдая за тем, как девушки пытаются забраться на один из соседних. Они не сразу заметили его, и парень успел изрядно повеселиться. Но когда был обнаружен — тут же вскочил на ноги и засмеялся. Клэр испепелила его взглядом, на что он лишь ехидно ухмыльнулся и лениво бросил:

— Пожалуй, вам стоит носить с собой стремянку, девчонки.

Джейк прикусывал соломинку и дерзко перекидывал ее во рту из стороны в сторону. Волосы взъерошены, рубашка вся перепачкана сеном, но взгляд довольный. Он стоял, подбоченясь, и деловито поглядывал на Клэр.

— Опять ты, — недовольно бросила она. — Надеюсь, не увижу тебя больше.

— Рад, что помнишь меня, — задорно ответил он. — Так что, сбегашь за стремянкой или, наконец, заберешься на эту жалкую горку сена?

Но стог был довольно высокий и упругий — не за что зацепиться. Джейк явно провоцировал ее на конфликт, и кажется, его это забавляло.

— Пожалуй, я подожду, пока ты спустишься, и использую твою тушку как подставку.

Джейк хитро ухмыльнулся и прищурился. Клэр вздернула голову и толкнула Рут в бок.

— К вам приехал передвижной цирк?

Та рассмеялась и цыкнула на Джейка, чтобы тот перестать паясничать. Он вздохнул, сел на край и свесил ноги, ожидая продолжения.

— Он и не уезжал, — улыбнулась Рут и предложила вернуться сюда в другой раз. Но Джейк, видимо, не был настроен так скоро завершать дуэль.

— Кажется, сегодня буду наслаждаться звездным небом один, — с наигранной грустью протянул юноша и развалился на сене, запрокинув голову к небу. Солнце клонилось к горизонту. Клэр и Рут пришли сюда именно за этим: полюбоваться золотисто-розовым закатом и встретить первые вечерние звезды.

— Тоже мне, звездочет-любитель, — фыркнула Клэр и развернулась, чтобы уйти. — Ну что ты встала? — раздраженно бросила она подруге. — Идем уже.

— Может, попробуем на другую копну? Вот ту, подальше, — предложила девушка, указывая пальцем на дальний стог — пониже, чем первый: можно попытаться взобраться.

— Ладно, — согласилась Клэр и услышала смешок за спиной. — Тебе весело, я посмотрю?

— Еще как, — подмигнул Джейк, вновь вскочив на ноги.

«И почему я еще не удалила его из друзей? Обязательно это сделаю, как вернусь домой», — подумала она. Пускай веселится. Шуты для того и нужны.

Клэр хмыкнула и направилась к другому стогу. Рут уже пыталась забраться, но снова не получалось.

— Кажется, нам и правда нужна стремянка, — горько усмехнулась она. Клэр окинула взглядом копну и деловито произнесла:

— Это мы еще посмотрим.

Прыгая на сено и скатываясь кубарем вниз, соскальзывая и падая, она снова и снова пробовала зацепиться за что-то и забраться наверх. Рут подталкивала ее, как умела, но это не сильно помогало. Наконец, каким-то чудом Клэр смогла уцепиться за веревку, плотно стягивающую копну, и подтянуться. Вершина была покорена. Следом она затащила Рут, протянув ей руку.

Клэр стояла на вершине стога — вся красная, с перепутанными волосами, из которых торчали соломинки, но счастливая. Удалось. Она победила.

— Я уж было подумал, что чуда не случится, — услышала она голос неподалеку. Джейк незаметно перебрался поближе — на соседний, более высокий скирд.

— Ты меня преследуешь? — удивилась она и вскинула бровь. Ко лбу, как некстати, прилип волос. Она попыталась его сдуть — безуспешно, раз за разом — и ощущала себя при этом крайне нелепо.

— Тебя? Мы едва знакомы, — фыркнул Джейк. — Здесь просто лучше обзор.

— Ну конечно.

«Мы не общались почти два года. С тех пор, как прекратил оставлять свои глупые комментарии. Почему опять цепляется?»

Клэр хотела было демонстративно отвернуться, но закат, как назло, был именно на той стороне, где красовался Джейк.

— Клэр, да не обращай ты на него внимания, — тихо шепнула Рут, легонько ткнув ее пальцем в плечо. — Он просто дурачится.

— Ты права. Что-то я слишком бурно реагирую. «Никогда не корми тролля», — согласилась Клэр и сложила руки на груди.

— Да он хороший, на самом деле, — зачем-то попыталась оправдать его Рут. — Мы учимся вместе, на одном курсе. Помнишь же его? Джейк Уолш.

— Да что-то припоминаю, — неоднозначно протянула она. Кажется, Рут не знает, что Джейк доставал ее после их первой встречи. Неужели и правда забыла рассказать? Значит, к лучшему. Меньше информации — меньше расспросов.

Джейк на удивление молчал. Прислушивался, о чем они шепчутся, но не мог разобрать ни слова. Наконец, девушки развернулись в его сторону и заняли удобное положение для любования закатом. Джейк сверлил Клэр взглядом, но она больше не реагировала. Ни единого контакта. Пусть смотрит сколько душе угодно.

Вскоре на небе разлился малиновый пунш. С каждой минутой он становился все ярче и красивее, и Клэр не удержалась — сделала несколько фотографий. А вскоре солнце скрылось за деревьями, и постепенно стало смеркаться. На небе появились первые звезды, а вместе с ними на землю опустился холод.

— Надо было одеваться теплее, — буркнула Клэр подруге, растирая ладони между собой. — Подмерзла.

— Да, что-то сегодня прохладнее, чем обычно, — согласилась Рут, зарываясь в свитер. — Давай завтра тогда? Придем сразу вечером, после захода солнца.

— Угу. Все, пошли. Мечтаю о горячем чае, — протянула рыжеволосая и поднялась на ноги, готовясь слезать.

— Так быстро? — усмехнулся Джейк, заметив движение.

— Солнце уже село, — отмахнулась Клэр.

— Хотя да, чего я ожидал, — высокомерно бросил он и отвернулся к небу.

«И зачем я опять ему отвечаю?» Чего он ожидал, Клэр и правда не понимала. И потому даже не стала отвечать. Да и что сказать? Признаться, что не продумала очевидные погодные условия и замерзла? Ну уж нет, она не доставит ему такого удовольствия.

Клэр несколько неуклюже спрыгнула со стога, но, к счастью, Джейк не видел ее позора.

— Пока, Джейк, — спустившись на землю, Рут помахала рукой товарищу.

— Пока, Рут, увидимся в колледже, — дружелюбно попрощался он, сделав при этом вид, что Клэр не существует.

«Наконец-то отстал», — с облегчением подумала она, но напоследок бросила короткий взгляд. Юноша лежал наверху, запрокинув руки под голову. — «Ну хоть завтра ты мне не помешаешь. Любуйся сегодня сколько душе угодно».

Так прошла их первая встреча после двухлетнего перерыва. И Клэр искренне надеялась, что она окажется последней.

Однако Рут уже было не остановить. Она с большим энтузиазмом в мельчайших подробностях рассказала о нем Клэр, даже не спрашивая, интересно ли ей об этом слушать. Да так, что девушке показалось, будто он развернул целую рекламную компанию о себе и разместил заказ среди общих знакомых, за который с радостью взялась мисс Рут Браун.

Вопреки ожиданиям, встреча с Джейком не стала последней. Они снова случайно встретились, но уже в общей компании, когда гуляли на улице в один из выходных дней. И в этот раз Джейк не проронил ни слова, словно его подменили. Шел неподалеку, общался с кем угодно, только не с Клэр, будто она невидимый призрак. А после прогулки вдруг написал в соцсети — предложил выпить кофе. Клэр ответила отказом, полагая, что теперь он поймет — это точно конец. Но Джейк не остановился и с тех пор стал регулярно писать: звал на прогулку при каж-

дом удобном случае, комментировал новые фотографии, реагировал на истории в профиле. И даже пробовал дарить подарки, которые передавал через Рут. Но Клэр упорно отказывалась их принимать. *«Что ему нужно? Я его совершенно не понимаю»*, — злилась Клэр, когда читала очередное сообщение от Джейка.

«Я купил эту шоколадку специально для тебя. Лимитированная коллекция из Швейцарии», — писал он ей и искренне недоумевал, когда она отказывалась. — «Я просто хочу узнать тебя получше. А ты не ценишь мои попытки».

К огромному ее облегчению, в последнее время мобильный интернет в доме ловил через раз, то неожиданно появляясь, то вновь пропадая: дом находился у самого леса, вдалеке от города. Оптоволоконный бабушка проводить категорически отказывалась. Пожилой женщине, незнакомой с современными технологиями и социальными сетями, было достаточно звонков и спутникового телевидения. С чистой совестью Клэр использовала этот предлог как весомую причину ее долгих ответов. Но всегда отвечала.

Ей определенно нравилась внешность напористого Джейка: в ней было что-то притягательное, дикое, но развивать отношения не имело смысла. Еще немного — и она вернется в Дублин, убеждала себя она. Да, они общались в онлайн, но этого было достаточно. Идти с ним на свидание было бы слишком рискованно. Он хотел ее узнать? Что же мешало делать это в сообщениях? Но Джейку нужны были личные встречи: переписки он считал пустой тратой времени.

Клэр пыталась объяснить свою позицию, но Джейк не отступал, словно не желая принять очевидное, — и чем настойчивее был, тем сильнее раздражал. Она не могла найти подходящих слов, чтобы юноша, наконец, принял отказ и прекратил ее доставать. И потому надеялась, что вскоре он сдастся сам. Устанет и замолчит. Но он всегда находил ее слабые точки и провоцировал на ответ, и Клэр с трудом удавалось сопротивляться. К счастью, они больше не пересекались вживую: Вселенная, должно быть, услышала ее просьбу и откликнулась.

А внутри уже боролись два голоса — полностью противоположных, ведя бесконечный спор в голове. Один требовал держаться подальше от Джейка: если он узнает ее настоящую — непременно сбежит в ужасе. Как сбежал Шон. Да и что Джейк вообще мог в ней найти? Рыжая опасная ведьма с совершенно заурядной внешностью и такой же непримечательной фигурой. Если она действительно ему понравилась, то он, должно быть, не сильно разбирается в девушках. Но все это больше походило на некую игру. Может, он просто над ней смеется? Неважно. В любом случае, она не даст ему шанса. А даже если вдруг сойдет с ума и согласится, то все равно не сможет построить новые отношения. Не теперь.

А другой голос — тихий, но настойчивый, мягко дарил надежду. Клэр всем сердцем желала встретить настоящую любовь. Довериться, поделиться страхами без риска осуждения, просто почувствовать поддержку и тепло. Вера в любовь была на грамм сильнее страха.

«Что ж, если уж и случится так, что я встречу сегодня с Джейком, то должна выглядеть прилично. Это не для него, это для моей самооценки», — убедила себя Клэр. Единственный способ почувствовать себя уверенно — создать образ красивой девушки, чтобы хотя бы со стороны быть похожей на ту, кем мечтала быть с детства: сильной, независимой, роскошной. И это ей всегда удавалось. Окружающие не понимали, что она не такая уж крутая, какой пытается казаться.

Клэр выглянула в окно: небесное полотно разливалось ярко-голубыми красками, без туч и облаков, и казалось, что на улице довольно тепло. Недолго думая, девушка решила ехать в шерстяном светло-коричневом свитере, а под низ надела белую хлопковую рубашку. Ее любимый кэжуал стиль. Образ дополнили черные кожаные шорты с теплыми колготками в тот же тон. Дом бабушки стоял в отдалении, и до центра города добираться пешком довольно долго. Такси же вызвать было почти невозможно, а если и удавалось — ожидание могло составлять более полчаса. Единственный вариант, которым Клэр часто пользовалась и так сильно

любила, — велосипед. В разы быстрее и всегда под рукой, а она и так опаздывала. Клэр наскоро обмотала шею тонким кашемировым шарфом, сунула ноги в черные ботинки и выскочила за дверь.

В старом покосившемся сарайчике девушка достала свой любимый старый велосипед. Зеленая низкая рама, местами уже с отколотой краской и покрытая ржавчиной, серебряная небольшая корзинка на переднем колесе — удобно брать с собой сумку и воду, рассохшееся от старости кожаное седло, которое собственными руками когда-то изготовил ее дедушка. О нем осталось немного воспоминаний: он умер, когда Клэр едва исполнилось четыре года. Она знает о нем по рассказам бабушки и мамы, по старым черно-белым фотографиям в рамках, по своим детским снимкам, где он держал ее на руках. Помнит по запаху кожи и древесины, сухим грубым рукам и длинным щекотливым усам. Дедушка был мастером на все руки, и сам построил и дом, и этот уже покосившийся от времени сарай. Клэр с улыбкой вспомнила, как однажды он посадил ее за этот велосипед: трехлетка даже до руля не дотягивалась, но уже считала себя очень большой девочкой и мечтала однажды научиться на нем ездить. Клэр провела рукой по седлу, стряхнув осевшую за время пыль, а затем аккуратно выкатила велосипед из сарая.

Резкий порыв ветра ударил в грудь, на мгновение лишив возможности дышать. Погода в Ирландии всегда довольно переменчива: от теплых осенних дней, напоминающих августовские вечера, до пробирающего до костей ледяного ветра, — и могла легко измениться всего за пару часов. Вуд-Хилл — небольшой, малоприметный на карте городок на юге Ирландии. Последний населенный пункт перед широкой лесной полосой, состоящей из немалого разнообразия деревьев, за которыми скрываются невысокие прекрасные горы. А прямо за ними — Кельтское море, переходящее в бескрайний океан. В сильный шторм или дождь можно даже почувствовать запах соленой воды, приносимый бушующими ветрами.

Поэтому подобрать подходящий гардероб на весь день бывало сложно, и Клэр до сих пор так и не привыкла к осенней погоде на этом краю мира. Поправив на шее сбившийся шарф, девушка наконец села на велосипед, вдохнула полной грудью воздух, пропитанный запахом листьев и мха, и уехала на встречу.

Ветер снова тронул верхушки деревьев, и где-то далеко, в полях, громко и тревожно закричали вороны.

Глава вторая: Тыквенное поле

Клэр мчалась вдоль желтых деревьев, опустевших полей, осаждаемых стаями грачей и ворон, мимо небольшого озера рядом с подлеском — с опавшими красными листьями клена на водной глади. В воздухе витал запах тлеющих костров, разжигаемых соседями на своих участках. Незаметно для себя она замедлилась, любуясь почти дикой, застывшей в осеннем сне природой. Вдыхала успокаивающий запах кострового дыма, листьев и дорожной пыли и пыталась научиться просто быть в моменте. Мир словно замер, позволяя насладиться тишиной и спокойствием.

Она почти доехала до развилки, ведущей в город, как вдруг подул сильный порыв ветра. С полей подорвалась стая грачей, испуганно мечась в разные стороны: должно быть, испугались шума велосипеда или завываний непогоды. С каким-то неестественным, зловещим криком они полетели прямо на Клэр. Девушка не успела увернуться, и несколько из них врезались прямо в нее, цепляясь острыми когтями за волосы, взлохмачивая и путая их. Широкими черными крыльями скользнули по лицу и шее, испачкали одежду грязью, принесенной на длинных лапах. Клэр испуганно закричала, прикрыв голову руками, потеряла управление и свалилась с велосипеда напрямик на пыльную дорогу.

— Да что же такое! — в сердцах воскликнула она, спешно поднимаясь на ноги. Быстро осмотрев открытые участки тела на наличие порезов и убедившись в их отсутствии, она с облегчением выдохнула и принялась поправлять прическу. В спутанных прядях застряли перья, выпавшие у несчастных птиц при столкновении. Правда, Клэр вовсе не считала этих дикарей несчастными: ей невероятно повезло, что они не поранили и не выклевали глаза. Грачи и вороны могут быть очень опасными и даже злопамятными, но она не припоминала, где и как она могла их раньше обидеть. И оставалось лишь надеяться, чтобы они теперь не внесли ее в свой черный список.

Отряхнувшись от грязи и листьев, она осмотрелась. Велосипед, небрежно валявшийся на земле, кажется, был в порядке, а вот ее внешний вид оставлял желать лучшего. Всклоченные волосы, грязные рукава свитера, покрытые теперь затяжками, и напрочь испорченные колготки — пыльные и порванные на коленях.

А впереди на дороге бесновалась стая, недовольно каркая и щелкая клювами. Они угрожающе размахивали широкими крыльями, прыгали с места на место и зловеще кричали, пытаясь заставить чужака развернуться. Ветер кружил листья, создавая из них и песка пылевой вихрь, а совсем недавно чистое небо начало заливаться глубокой синевой. Надвигались тяжелые тучи, готовые превратиться в настоящую ливневую бурю.

«Откуда хоть тучи? Только что ведь было солнце», — удивленно подумала Клэр и вновь переключила внимание на птиц.

— Ладно, успокойтесь! — дрожащим голосом крикнула она. Одна птица — пустяк, но когда на тебя нападает стая, это становится опасным. Привычная дорога в город была отрезана: агрессивные птицы оккупировали всю ширину дороги и край поля. Клэр сильно спешила: стрелки часов уже приближались к половине второго, а встреча была назначена ровно на час.

Неподалеку виднелась развилка: старая объездная — разбитая, грунтовая, вся в ямах и ухабах, и гораздо длиннее. Клэр никогда не ездила там, и лишь примерно представляла, где следует повернуть, чтобы выехать напрямик к кафе. Но небо все стремительнее затягивало черными тучами, а ветер, перемешанный с песком, дул с такой силой, что Клэр пришлось прикрыть глаза ладонью. Выбора не оставалось: придется ехать по объездной. Птиц, на удивление, там было меньше, и если быстро объехать их по краю дороги с правой стороны, то удастся проскочить вперед. Клэр оттолкнулась ногой от земли и тронулась с места. Птицы возмущенно защелкали клювами, взмывая вверх, но девушка, зажмурившись, сумела проскочить. Недо-

вольные грачи кричали врагу вслед свои птичьи ругательства, но он стремительно умчался вдаль.

Дорога оказалась не такой уж плохой, как показалось сначала: лишь кочки да ухабы, для велосипеда — ерунда. Клэр мчалась вдоль полей, опустевших после сбора урожая. Ветер гнал ее вперед, посвистывая в ушах и играя развевающимся шарфом. Вскоре дорога опять раздвигалась, разделенная невысоким узким подлеском, чтобы где-то вдали вновь сомкнуться в одну линию. Повернув направо, вдоль полей, Клэр увидела огромное поле, не похожее на остальные: в легкой туманно-сизой дымке повсюду лежали тыквы — крупные и маленькие, ярко-оранжевые, красновато-желтые, коричнево-зеленые с мягкими светлыми крапинками.

«Кто-то еще не собрал урожай? Такие красивые... как с открытки», — подумала Клэр, улыбнувшись. Тыквы были ее маленькой слабостью — теплым символом осени и особенного уюта бабушкиного дома, где всегда пахло корицей и сухими яблоками. Проехав еще немного, она услышала звонок телефона.

— Черт, это Рут... Она меня убьет, — обреченно вздохнула Клэр и ответила на звонок.

— Клэр, дорогая, прости! Я знаю, ты меня ждешь, я правда-правда спешу, честно! Но, боюсь, все-таки сильно опоздаю: никак не могла позвонить раньше, — затараторила Рут, явно расстроенная и запыхавшаяся. — Ты прикинь, в мой единственный выходной опять загрузили работой по дому! Пока сходила в курятник, пока коровам сена дала — и не заметила, как уже обед. Сейчас голова лопнет... Прости... — тихо прошелестела подруга. Она не любила опаздывать, но обстоятельства зачастую вынуждали пересматривать планы.

— Мы с тобой отлично синхронизировались, — облегченно выдохнула Клэр. — Я сама еще на полпути, возникли обстоятельства. Тогда не буду сильно спешить.

— Ты чудо! Спасибо! Я мигом, — радостно зашептала Рут и положила трубку.

Мисс Рут Браун родилась и выросла в этом городке, где вся ее жизнь будто вращалась вокруг фермы семьи. Большой семейный бизнес требовал постоянной помощи, и сейчас, когда брат с женой уехали в отпуск, вся нагрузка легла на ее плечи. Но Рут не жаловалась. Она не собиралась покидать родные края: поступила в местный колледж на ветеринара и в следующем году планировала защищать диплом. Казалось, все в ее жизни было делом привычным и одновременно удивительно важным — заботой о животных, трудом на ферме и собственными маленькими, но значимыми шагами ко взрослой жизни.

Клэр убрала телефон в аккуратно уложенную в корзину сумочку и уже собиралась ехать дальше, как тыквенное поле вновь притянуло ее взгляд. В душе возник творческий порыв: захотелось сделать несколько атмосферных фотографий, чтобы после поделиться ими в соц-сети с какой-нибудь красивой цитатой из любимой книги. Клэр вновь достала телефон, оставила велосипед на обочине и подошла поближе.

Покосившийся, местами сломанный забор с торчащими деревянными зубьями и покрытый толстым слоем мха выглядел довольно тоскливо. Но за ним, всего в нескольких метрах, соблазнительно проглядывали яркие тыквы, переплетенные сухими, толстыми плетями. Земля казалась сырой и влажной, будто недавно прошел дождь, хотя осадков не было уже целую неделю. Целая поляна — из мха, сухой ботвы и ярких, насыщенных тыкв, словно художник уронил на них палитру, — манила к себе, завораживая живописной красотой. Поле окутывал легкий туман: мягкая сизая дымка стелилась между тыквами и землей, сглаживая контуры забора и плетей. В этом странном тумане каждый цвет казался чуть более насыщенным, слишком красивым для реальности, а воздух — прохладным и тихим.

Девушка осторожно осмотрелась: вокруг никого, только ветер изредка подвывал, напоминая о надвигающейся туче. Может, рискнуть? Жалко уйти просто так, не сорвав на память хотя бы пару самых красивых тыкв.

«Я только немножко возьму, самых маленьких», — подумала Клэр, успокаивая сопротивляющийся внутренний голос, и аккуратно пробралась через забор вглубь поля. Ряды тыкв

тянулись один к одному. Удивительно, что о них до сих пор никто не позаботился — плоды выглядели как на выставке. Сделав несколько атмосферных фотографий, Клэр наклонилась за одной из тыкв — упругой и плотной, с яркой оранжевой кожурой и сладким, манящим ароматом. Судя по всему, это был не обычный сорт фермерских тыкв — возможно, редкий декоративный, хотя некоторые плоды выглядели довольно крупными.

Клэр покрутила тыкву в руках, любуясь ее неестественно идеальной формой. Внезапный резкий порыв ветра пробрал до костей, заползая под свитер, и она вздрогнула. В груди неожиданно появилось странное чувство тревоги, будто кто-то наблюдает за ней. Сторож? Запаниковав, девушка резко подняла голову и нервно огляделась. Кроме нее поблизости не было ни души, все оставалось по-прежнему спокойно: поле, тыквы да пыльная дорога. Но медленно, словно тонкими невидимыми нитями, тревога уже окутывала тело, стягивая каждый мускул, а с головы до пят расплзался липкий страх, наполняя каждый вдох мелкой дрожью. Клэр поспешила сорвать еще несколько тыкв и поскорее убраться оттуда.

На мгновение, сравнимое со взмахом ресниц, ей показалось, что некто стоит в паре метров от нее, как призрачная тень, промелькнувшая в воздухе. Силуэт в черном длинном пальто и высоких кожаных сапогах. Клэр резко выпрямилась, готовая к возможной встрече с незнакомцем, но проскользнувший на краю взгляда образ исчез так же внезапно, как и появился.

— Кто здесь? — едва сдерживая дрожь в голосе, прокричала она и судорожно осмотрелась.

В ответ лишь заунывно просвистел ветер, словно насмехаясь над ее страхом, и трепал рыжие волосы легкими короткими порывами. Запахло сыростью — дождь приближался. Вдалеке он уже ударил большой белой стеной, а тучи стремительно неслись вперед, сливаясь с горизонтом.

Клэр схватила собранные тыквы в охапку и спешно направилась к дороге. Но едва она сделала несколько шагов, как сильный порыв ветра вдруг ударил ей в спину, чуть не сбив с ног. От неожиданности она потеряла равновесие, и тыквы рассыпались по земле.

— Вот черт! — громко выругалась девушка, раздосадовано всплеснув руками.

И тот же момент ветер неожиданно стих: даже деревья, растущие вдали, перестали качаться. Клэр замерла, прислушиваясь к звенящей тишине, и не сразу заметила, что ее рыжие волосы торчат в разные стороны, будто подвязанные на невидимые нити. В груди разлилось странное чувство: каждой клеточкой она ощущала чье-то незримое присутствие за спиной. Во рту сильно пересохло, а горло свело судорогой от разгорающегося страха. Позади кто-то находился, она была почти уверена. Слишком сильно ощущалось его холодное громкое дыхание, осязаемое затылком головы и сползающее ближе к шее. Тонкий шарф, защищающий от ветра, плавно соскользнул на землю, и по коже пробежала легкая щекотка. Чьи-то незримые ледяные пальцы коснулись ее или это ветер задувает за шиворот?

От страха Клэр не могла пошевелиться. Мурашки пробежали по телу, и тело бросало то в жар, то в холод. Дыхание сделалось рваным, тревожным. А на душе вдруг стало невыносимо больно, словно грудь пронзила стрела, сотканная из глухой печали, острого отчаяния и бесконечного одиночества. Странное ощущение, будто и не ее вовсе. На глазах навернулись слезы, и Клэр, набравшись храбрости, резко обернулась, сжимая руки в кулаки — готовая драться, если придется. Но позади, к огромному удивлению, никого не было.

— Покажись! — хрипло прокричала она в пустоту.

— Фи-у-у... — Ответом была лишь тишина, разряженная слабыми свистящими порывами ветра, перекаत्याющего вдали сухие листья.

— Клэр, возьми себя в руки. Это воображение, — тихо проговорила она дрожащим голосом и глубоко вздохнула, пытаясь вернуть контроль над собственным телом. Когда страх немного отступил, она спешно собрала тыквы в охапку, совершенно забыв об упавшем на землю шарфе.

Перед уходом снова с опаской осмотрелась и быстрым шагом поспешила к брошенному на дороге велосипеду, крепко прижимая оранжево-красные плоды к груди. Еще немного — и она уедет отсюда и больше никогда не вернется. Но дойдя почти до края, Клэр отчетливо ощутила, как чья-то ледяная рука прикоснулась к плечу. Не справившись со страхом, она коротко вскрикнула.

Это прикосновение было абсолютно реальным: каждым сантиметром кожи, даже через свитер, она ощущала холод и давление, которое ни с чем не спутать. *«Прекрати себя пугать! Призраков не существует, иначе бы дух Тэсс давно за тобой пришел»*, — отчаянно пронеслось в голове. Нужно было покончить уже с этим глупым страхом. Клэр прерывисто, но глубоко набрала воздух в легкие и уже хотела было обернуться, чтобы доказать себе — это иллюзия из ее страхов и тревог, как вдруг вновь почувствовала дыхание на шее. Тихий голос, сравнимый с шелестом листьев, едва слышно произнес, обдавая ухо обжигающе-ледяным выдохом:

— Воровка.

Клэр дернулась и подалась вперед, готовая рухнуть вместе с тыквами на сырую землю. Но падения не случилось. Что-то незримое подхватило ее — и она замерла, повиснув в воздухе, как тряпичная кукла. Тыквы снова рассыпались, а она все болталась в этой странной невесомости — мгновение, другое... А потом та же неведомая сила мягко, но властно вернула ее тело в вертикаль.

Девушка в ужасе обернулась — никого. Она растерянно крутила головой, надеясь уловить хоть какое-то движение, хотя бы призрачную тень, но ответом ей был внезапно разразившийся ливень, хлестнувший по земле крупными каплями, — такой же холодный и чужой, как прикосновение неизвестности.

Искушать судьбу — и собственные нервы — Клэр больше не решалась. Спешно подобрав рассыпанные в разные стороны тыквы, она сорвалась с места и бросилась прочь. Ботинки вязли в мокрой земле, в одно мгновение превратившейся в противную липкую грязь. Под ногами то и дело мешались тыквы, словно нарочно пытались скрутить ее ноги своими жесткими плетями. Но Клэр была полна решимости выбраться с этого проклятого поля.

Перескочив через забор, она наспех забросила уцелевшие тыквы в корзинку, вскочила на велосипед и, бешено крутя педали, рванула вдоль дороги. Колеса скользили по лужам и намокшей пыли, ноги срывались вниз, а руль опасно вилял из стороны в сторону. Проехав немного, Клэр, задыхаясь, остановилась, выдохнула и обернулась.

Позади — только гулкий ветер, да птицы, горланившие где-то вдали.

— Эй, там есть кто-нибудь? — крикнула Клэр в пустоту, скорее для собственного спокойствия, чем в надежде получить ответ.

Крупные капли дождя застучали по земле с новой силой — начался настоящий ливень. Поле с тыквами практически растворилось под белой пеленой, заглушающей громким гулом прочие звуки. Клэр выругалась и помчалась дальше, изо всех сил вращая педали. Вода хлестала со всех сторон, забиралась за шиворот, леденя шею, стекала холодными струйками по груди и животу. Дорога стремительно превращалась в грязное месиво. Велосипед заносило на размокших ухабинах, и Клэр приходилось прилагать все больше усилий, чтобы удержать баланс и не грохнуться прямоком в лужу и грязь, брызгами разлетающуюся в стороны из-под колес.

Наконец, после этого бесконечного пути, когда минуты давно смешались в одно мутное течение времени, Клэр добралась до кафе, где они с Рут договорились встретиться.

Клэр притормозила у входа, с трудом поставила велосипед под навес — пальцы не гнулись от холода, и, дрожа, как осиновый листок на ветру, толкнула дверь. В нос сразу ударил густой аромат свежемолотого кофе, смешанный с теплым, чуть пряным запахом яблочного пирога. Тихая, умиротворяющая музыка разливалась по залу. Официанты выглядели расслабленно, каждый был занят привычным делом: кто за барной стойкой, кто в зале у столов. Снаружи все еще лил дождь — ровный, серый, гипнотизирующий. Его монотонный гул сливался

с негромкими разговорами немногочисленных посетителей. Сквозь запотевшие окна было видно, как на лужах лопались прозрачные пузыри, а сточные канавы журчали, затягивая потоки мутной дождевой воды.

Клэр стояла на пороге, промокая до нитки. С волос капала вода, образуя вокруг девушки небольшую лужу. Девушка-официант, с которой она уже была знакома — однокурсница Рут, — поспешила к ней и протянула сухое теплое полотенце.

— Ох, Клэр... ты вся как из-под душа, — с сочувствием усмехнулась она. — Садись, сейчас принесу тебе что-нибудь горячее.

Клэр забралась в самый дальний угол, выбрав небольшой уютный столик напротив панорамного окна. Неподалеку красовалась экспозиция из осеннего урожая: тыкв, кабачков, яблок и красно-желтых листьев, выложенных как на витрине магазина. Уютно. В этом зале посетителей еще не было, и Клэр облегченно выдохнула. В таком виде не хотелось бы встретить знакомых.

Она оставила сумочку на широком подоконнике, заваленном декоративными подушками, и осмотрела кресло. Мягкое, из велюровой ткани. Только сядет — и под ней непременно образуется лужа. Мокрые волосы то и дело липли к щекам, и она с раздражением терла их полотенцем: столько времени потратила на сборы, и все в пустую! Тепло постепенно возвращалось к телу, но руки все еще дрожали — то ли от холода, то ли от страха.

— Я могу дать тебе футболку, если хочешь. А твою одежду можно подсушить на батарее, — предложила официант, подоспев с меню в руках.

Клэр с благодарностью кивнула и проследовала за ней в подсобное помещение.

— Держи. Фирменная, — протянула девушка коричневую футболку. — Занесешь потом, как сможешь. Или Рут передай. Как удобно, в общем. Повесить свитер можешь вон там.

— Спасибо, Нора, — поблагодарила она ее. — Что бы я без тебя делала.

Нора понимающе кивнула и вышла за дверь.

Клэр наскоро переоделась, с огромным облегчением сбросив с себя потяжелевший мокрый свитер и сырую рубашку, и взглянула в зеркало на свое отражение. Мокрые взъерошенные волосы, напоминавшие больше конский хвост, нежели аккуратные локоны, потекший макияж, глаза, в которых застыл испуг, слегка трясущиеся, задубевшие от холода руки.

Клэр пыталась сохранять самообладание, убеждая себя, что все произошедшее — лишь наваждение. **Призраков не существует.** *Этого не может быть.*

Она повторяла это как мантру, как довод в судебном заседании, пытаясь опираться на подтвержденные факты, а не домыслы. Ее профессия требовала именно этого — холодной логики, доказательств, рационального мышления. Любой уважающий себя юрист, а тем более адвокат, обязан доверять лишь фактам. Все остальное — опасные фантазии, способные разрушить жизнь и карьеру. И все же... Когда кто-то говорил, что ведьм не существует, Клэр на словах соглашалась — уверенно, даже с легкой усмешкой. Но внутри она знала, что это ложь. Она чувствовала внутри себя силу — древнюю, неуловимую, будто идущую из самой глубокой части ее проклятой души. Ощущала силу слова, желания, одной лишь мысли. Повзрослев, Клэр пыталась объяснить это совпадением, случайностью, банальным невезением, но чем больше происходило подобного, тем труднее было не поверить в четко вырисовывающуюся закономерность. Это было бы сложно описать наукой и логикой здравого смысла, но и с уверенностью отрицать эту мысль она уже не могла. Разум отказывался принимать, но сердце уже вынесло вердикт: виновна. Проклятая ведьма. И в это было легко поверить.

Но все же случившееся на поле выходило за рамки даже ее иррациональной веры. Это не было простым «показалось», но и логика здесь тоже была бессильна. Единственное возможное объяснение — Клэр начинает терять рассудок. Медленно, шаг за шагом, растворяясь между тем, во что верит, и тем, во что должна верить. Если это повторится — придется обращаться к специалисту, чего бы ей совсем не хотелось. Клэр обреченно вздохнула: сложно обманывать

себя в отсутствии того, что ощущалось физически. Галлюцинация ли, бурное воображение или посттравматический синдром после гибели Тэсс — неважно. При любом раскладе — это дурной знак.

«Самое время встретить Джейка», — иронично подметила она, оценив свой внешний вид. Макияж она кое-как смыла, волосы подсушила полотенцем — и теперь на голове образовался одуванчик. Так старалась создать идеальный образ, а получилось как всегда. Девушка развесила мокрую одежду на батарее, а полотенце оставила на спинке стула. И вернулась в зал.

Вскоре официантка принесла кофе — ароматный, крепкий напиток с густой пенкой. Клэр обхватила чашку ладонями — приятное тепло разлилось по пальцам, возвращая способность осязать. Горячий пар поднимался тонкой струйкой и таял в мягком свете гирлянды, подвешенной на окнах. Все казалось почти нормальным. Клэр поднесла чашку к губам, вдохнула аромат — горький, терпкий, обжигающий — и почувствовала, как напряжение чуть ослабевает. Сквозь шум дождя слышался тихий гул разговоров, звон посуды, смех откуда-то из глубины зала. Все это сливалось в ровное, уютное жужжание — успокаивающее, безопасное. Но где-то в этом привычном звуке, в теплом воздухе кафе, было что-то тревожное. Незримое. Клэр поймала себя на мысли, что зачем-то смотрит на дверь — будто ожидает, что за ней кто-то возникнет. Не Рут Браун, которая уже и так неприлично опаздывала. А кто-то чужой, таинственный, вероятно, преследующий ее с того самого момента, как нога переступила через покосившийся забор.

Входная дверь зазвенела колокольчиком. Клэр вздрогнула — слишком резко, будто от выстрела. «Прекрати, призраки не открывают двери, а проходят сквозь них», — одернула себя она. В кафе вошла Рут, встряхивая с волос капли дождя. На ней был длинный кожаный плащ, а шею закрывал широкий шарф-палантин, сбившийся набок. Объемные темные волосы до плеч, выгодно обрамляющие лицо, карие глаза, густые брови и ресницы. Девушка выглядела свежо и привлекательно, в отличие от своей излишне любопытной подруги. Рут бегло осмотрела зал и, заметив Клэр в самом углу заведения, улыбнулась — устало, но искренне.

— Ты все-таки добралась. Надеюсь, не попала под дождь? — участливо спросила Клэр, когда та приблизилась.

— Да уж, погодка просто ужас! — ответила подруга, бросая сумку на подоконник. — Прости, что задержалась. Машина, как назло, не заводилась, пришлось поднапрячься. Безумный день! — Рут сняла плащ и шарф, повесила их на вешалку неподалеку и села в кресло напротив.

— Это точно. Мне кажется, сегодня можно в душ уже не ходить, — попыталась пошутить Клэр, но голос предательски дрогнул: тревога все никак не уходила.

— Вот блин, ты же вся промокла! Твои волосы... Не взяла зонт? — озабоченно спросила Рут, заметив, наконец, в каком состоянии находится ее подруга.

— Нет, я на велосипеде, — рассеянно ответила Клэр, слабо фокусируясь на собеседнице. Мыслями она снова вернулась на загадочное поле.

— Ты выглядишь так, будто видела призрака, — тихо заметила Рут, изучая подругу: бледная, испуганная, растерянная — такой она была лишь в первые дни после приезда в Вуд-Хилл.

Клэр отвела взгляд в сторону, в окно. Там все тот же дождь, однообразный и плотный, словно завеса, поглотил почти весь свет, превратив солнечный день в пасмурный вечер. Несколько секунд они молчали — только стук дождя по окнам, редкий звон ложек в чашках и чей-то смех вдалеке заполнял эту странную паузу.

— Может, и видела, — пробормотала она.

— Да ладно? — с недоверием спросила Рут, но Клэр лишь вздохнула и поднялась с кресла, чтобы обнять подругу. Девушки тепло поприветствовали друг друга.

— Нет, конечно. Скажешь тоже — призрак... А что насчет дождя... Утром было солнечно, я даже не ожидала такого ливня, поэтому поехала на велосипеде. И опаздывала, к тому же, — раздосадовано ответила Клэр, накручивая рыжие пряди на палец. Волосы уже почти высохли и распушились, словно и не было укладки, на которую девушка потратила сорок минут.

— Прогноз обещает дождь на весь день. Теперь теплых деньков вообще мало остается, — расстроено проинформировала Рут, листая в телефоне свежий прогноз. — Как-то в этом году с погодой не клеится. Хорошо, что мы с семьей успели собрать урожай. Не хотелось бы мне потом в этой грязи копаться. Было уже такое, знаем. Удовольствия мало.

Клэр замерла во внимании, ожидая интересной истории, и Рут пояснила:

— Да как-то раз наш сосед уехал за границу, рассчитывая на погоду. И когда вернулся в начале ноября — весь урожай уже сгнил. Целое поле бахчевых коту под хвост. Он тогда чуть с ума не сошел, прикинь? Теперь из города вообще не выезжает, — горько усмехнулась девушка.

Она знала: урожай тыкв и кабачков обычно убирают в середине октября, иногда оставляют до конца месяца, если стоит теплая и сухая погода. И так рисковать, будучи фермером, у которого основной доход зависит от успешного урожая, — непозволительная роскошь.

— А в этом году все всё убрали вовремя? — как бы невзначай поинтересовалась Клэр.

— Не знаю, но думаю да, пора бы уже, — беззаботно пожала она плечами и отложила телефон. — Так, ну я тогда подвезу тебя. Велосипед оставь здесь, ничего с ним не случится.

— Спасибо. Пора бы мне уже свое авто, — мечтательно протянула Клэр.

— О да, это очень удобная штука! Так, ты уже заказала что-нибудь? — Рут по привычке листала меню, хотя знала его наизусть.

— Еще нет. Ждала тебя. Мне только кофе налили, — указала она на чашку на столе.

— Хорошо, тогда я угощаю. Давай возьмем по тыквенному латте и яблочному пирогу? Но сперва пастуший пирог, дорогая моя, этот чертовски хороший пастуший пирог, — облизываясь, радостно сообщила Рут.

Пока она делала заказ, Клэр внутри вся сжалась: от одного лишь упоминания о тыкве ей сделалось нехорошо. *«Может, лучше выбросить их? Вдруг они проклятые? Вот понадобилось тебе лезть в чужой огород. Зачем ты вообще их забрала?»* — с досадой думала она. — *«Мало тебе своего личного проклятия, так еще и новые собираешь?»*

«Воровка», — раздался в голове тихий низкий голос. По телу пробежала дрожь, застывшая на шее — в том самом месте, где ощущалось призрачное дыхание.

— Рут, ты веришь в призраков?

— Что? — Вопрос застал девушку врасплох: Клэр серьезно интересуется или у нее наконец-то стало подниматься игривое настроение к Хеллоуину?

— Ну, существуют ли призраки, — тихо повторила она.

Рут ненадолго задумалась, оценивая тон подруги, и, поняв серьезность вопроса, ответила:

— Призраки... Ну я лично их не видела. Но всякое возможно. Мы многого еще не знаем. Я допускаю такую вероятность, почему бы и нет?

— А проклятия существуют? — не унималась Клэр. Ей хотелось услышать не очередное осторожное допущение, а уверенное «нет», которое не оставило бы места страху.

— Я считаю, что и такое возможно. Ну не прямо вот магия с куклой Вуду, а просто некая энергетика. Например, место может быть нехорошим, с негативом. Или люди — те еще энергетические вампиры. Хотя это больше про тип личности, наверное, — рассуждала Рут. — Я сама с таким не сталкивалась, если ты об этом, да и не хочу. А ты? — И с любопытством взглянула на замешкавшуюся подругу.

— Да я, наверное, так же, — рассеянно ответила Клэр. — А предметы тоже могут быть прокляты, да? Лучше от такого избавляться, если есть сомнения?

— Ты какой-то ужастик посмотрела? — с опаской спросила темноволосая. — Почему вдруг таким интересуешься?

— Ну, я... Так уж вышло, я вовсе не хотела, но... Рут, я кое-что себе присвоила, — в сердцах призналась Клэр — и тут же смутилась и поджала губы, пытаясь скрыть внезапно охвативший ее стыд.

Рут удивленно вскинула бровь и сложила руки на груди, предвкушая интересную беседу.

— Ну, рассказывай, я никому тебя не сдам! — задорно усмехнулась девушка и заинтересованно посмотрела на подругу. С такой стороны Клэр ей еще не раскрывалась, и было крайне любопытно узнать, что же она такого натворила.

— Я ехала к тебе на встречу, но на меня напала стая грачей! — воскликнула Клэр и поморщилась, вспоминая их острые когти и больно бьющие по лицу широкие черные крылья.

— Грачи напали? Такое впервые за всю историю города! — рассмеялась Рут и заняла выжидательную позицию: что еще мистического расскажет любимая подруга?

— Не издевайся, я серьезно. Они врезались в меня, повалили на землю. Я колготки порвала, — с досадой пробурчала Клэр и показала на дырки, обнажившие коленки. — И мне пришлось свернуть на объездную. Никогда там особо не ездила, дорога просто кошмар какой-то. Но выбора не было. Стая была явно не в себе, будто я им что-то плохое сделала.

Клэр задумалась. Неужели птицы тоже чувствуют ее темную энергетику?

— Ладно, я вижу, что ты не шутишь. Это, конечно, случай редкий, но возможный. Не знаю, может быть, они охраняли свою территорию? Или просто испугались тебя на велосипеде, — пыталась логически размышлять Рут.

— Да кто их знает? Ну, я поехала по объездной, свернула за подлесок. И там увидела поле с такими красивыми тыквами...

— С тыквами? Хм, интересно, кто-то все-таки еще не собрал урожай? — задумалась подруга, пытаясь вспомнить, кто из фермеров там проживает и кому принадлежат поля в той части города. Все приходившие на ум уже давно закончили с уборкой и находились в активной стадии продаж — каждого конкурента она знала лично. — Ну, им же хуже, с такой погодой.

— Может быть, поле заброшенное? Или владелец просто уехал? — предположила Клэр.

— Думаю, вполне вероятно второе. В городе, конечно, есть заброшенные поля, да, но их мало, и они уже все бурьяном поросли, — расплывчато ответила Рут, все еще блуждая в чертогах памяти. И вдруг кое-что всплыло. — Поле с тыквами... Нет, точно не забыли, после того-то случая с соседом. Весь город знает про это. Но слушай, я что-то слышала краем уха. Есть вроде как одно место у нас, нехорошее. Но где находится — не знаю.

— Нехорошее? Это оно и есть, я уверена. А я, как полная идиотка, сорвала эти тыквы. А потом...

— Что потом? Выкладывай! — замороженно протянула подруга, предвкушая невероятную легенду.

— Мне кажется, я встретила призрака, — тихо призналась Клэр и сжалась от воспоминаний.

— Призрака? Как в фильме «Охотники за привидениями?» — уточнила Рут, то ли дразня, то ли с искренним интересом. Клэр заметила это и слегка напряглась: *«Надеюсь, она не подумает, что я рехнулась?»*

— Нет, Рут, не как в Охотниках. Я его толком не видела. Возможно, у меня просто давление подскочило, пока я вниз головой стояла и тыквы воровала! — съязвила Клэр. Рут залилась радостным смехом и беззлобно поддела:

— Ну, ты не молодеешь, так что да... Давление может быть причиной.

В этот момент принесли горячий обед и кофе.

— А вот и еда! Я жутко голодная! — Рут довольно хлопнула в ладоши и принялась уплетать за обе щеки румяный пастуший пирог. Аромат от него стоял на все кафе, но у Клэр что-то не было аппетита.

— Я просто ощутила некое присутствие, — уже спокойно продолжила она, пока подруга наслаждалась пирогом. — И мне стало беспокойно. Ветер то сбивал с ног, то вдруг стихал — прямо как в фильмах ужасов. И кто-то коснулся плеча холодными пальцами, клянусь, я чувствовала. И прошептал мне на ухо: «Воровка». Да, бредово звучит. Абсолютное безумие. Ты права, это просто погода разбушевалась, а я собственной тени испугалась, — отмахнулась Клэр, понимая, как глупо звучит ее история.

— Добро пожаловать в Вуд-Хилл, — усмехнулась Рут. — Погода здесь именно так себя и ведет. А если серьезно... Клэр, я не буду говорить, что тебе просто показалось или наоборот, что призрак точно существует. Потому что не знаю, что из этого правда. И думаю, ты сама выберешь для себя верный вариант.

— Все и правда кажется каким-то сном. Я уже сама запуталась, что из этого было, а что — придумала. Просто ветер надо мной поиздевался. И моя неумная фантазия, — нервно усмехнулась Клэр, сложив руки на груди.

Рут окинула взглядом подругу — и кажется, та была в порядке. Относительно.

— Но что я точно могу сказать, так это то, что скоро Хеллоуин, а тыквы бесхозные. А даже если и нет, и ты бесстыжая наглая воровка, но зато какая! В непогоду полезла за добычей! Не испугалась какого-то там призрака. Я тобой горжусь, — рассмеялась она и отправила подруге воздушный поцелуй.

— А что конкретно ты слышала про то поле? — с надеждой спросила Клэр, хотя понимала, что Рут сама мало что знает. Но ее слова могли бы стать облегчением: чем больше фактов, тем проще уничтожить миф, зарождающийся в голове.

— Да обыкновенные страшилки для фермеров. Неурожай, болезни, проблемы с сельхоз техникой. В каждой сфере есть своя жуткая легенда, которой любят пугать. Вот у нас — это поле, на котором портится все: от картофеля до пшеницы. Но про призрака не слышала, кажется. Да и что ему там делать? Понимаю, если бы еще на кладбище обитал.

Клэр согласно кивнула. Рут говорит здравые вещи — стоит ее послушать.

— Да и зачем ты ему сдалась? Тыквы отобрать? Вот жадюга он какой, — смеялась девушка, отпивая из чашки ароматный латте. — Ты же их не выбросила? Покажешь?

— Да, конечно, они на улице, в корзине. Кстати, я же сделала фотографии, — осенило Клэр, и она протянула девушке смартфон.

Рут пролистала снимки и задержалась на одном. Туманное поле, усеянное оранжевыми тыквами выглядело как из ожившего сна: казалось, будто плоды мерцали сквозь серую дымку. Сизый туман стелился низко над землей, скользя между тыквами, скрывая извилистые тропинки и прячущиеся в них тени, готовые ожить при малейшем движении. Поле дышало тихой, почти зловещей магией. Рут на мгновение замерла, ощущая странное волнение, прежде чем ответить.

— Вообще тыквы сами по себе так не растут. Тем более такие аккуратные и красивые. Без специальных удобрений в нашей местности это почти нереально. И при всем при этом в районе объездной вообще мало фермеров, окраина города перед лесом. Если что и есть, то только пшеница и рожь, почва подходящая. Я удивлена, что там есть поле именно с тыквами, честно говоря. Может, кто-то недавно выкупил землю? Как-нибудь спрошу у папы, если не забуду, такое бы точно не прошло мимо него.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарила ее Клэр. За все: и за помощь, и за дружескую поддержку, и за ее способность поднять настроение даже в такой мрачной, тревожной атмосфере. И Рут, в свойственной ей манере, вновь поддразнила:

— Но тыквы очень красивые, Клэр! Не вздумай их выбрасывать! Зря что ли ты под дождем промокла и от призрака убегала?

— Хорошо, сдаюсь. — Клэр подняла ладони. — Пусть эти тыквы останутся со мной как молчаливое напоминание о том, что я воровка, — и усмехнулась, пытаясь снять напряжение. Принять и отпустить — лучшее решение.

«Да, ты воровка, Клэр. А еще — ведьма», — привычно пронеслось в голове.

Хотелось бы сделать так же и с мыслями о Тэсс — принять и отпустить, но они не поддавались той же легкости. Каждое воспоминание жгло, словно кровоточащая рана, и в последнее время Клэр ловила себя на том, что слишком часто возвращается к этому, когда наоборот, казалось бы, должна отпустить.

— Я просто не могу перестать думать об этом, — призналась она тихо, словно самой себе.

Рут сразу поняла, о чем идет речь. Хотя они с Клэр и немного говорили о случившемся — больше о болезненном расставании с Шоном, чем о трагической гибели Тэсс, но в каком состоянии Клэр приехала в город, Рут помнила очень ясно: угрюмая, раздраженная, переживающая боль глубоко внутри себя.

— Я понимаю. Твое острое восприятие мира в такой ситуации — вполне естественно, — поддержала подруга, мягко кивнув, и откинулась на спинку кресла: с пирогом она закончила.

— Наверное, мне просто нужна хорошая встряска, — отметила Клэр и, с приятным чувством облегчения, приступила к пирогу. Аппетит стал понемногу нарастать — переживания о призраке отошли на второй план.

Девушки еще долго болтали о разном, попивая кофе и наслаждаясь яблочным пирогом, медленно отламывая по кусочку. Смех и легкие разговоры мягко заполняли кафе, переплетаясь с тихой музыкой и приглушенным шумом дождя за окнами. Время пролетело незаметно, и вот на часах уже почти пять вечера. За окном смеркалось — пасмурно и туманно: серые тени растягивались по улице, а дождь, как осторожный художник, рисовал на стеклах капли и полосы света вывесок кофейни и магазинов.

— Какие у нас дальнейшие планы? — поинтересовалась Клэр, с тоской глядя в окно на моросящий дождь: уже не ливень, конечно, но все равно приятного мало. Вкупе со все еще сырыми вещами и противным резким ветром гулять под дождем в середине октября абсолютно не хотелось. Но и расходиться по домам пока тоже.

— Заедем к тебе, ты переоденешься, а после можем поехать ко мне или так и остаться у тебя, — предложила Рут. — Кстати насчет меня. Совсем забыла рассказать. На Хеллоуин я организовываю мега крутую вечеринку с мистическим квестом, и ты должна быть там. Нет-нет, дорогая, это даже не обсуждается: ты идешь, — утвердительно, не терпящим возражения тоном закончила девушка.

— Но я не уверена, что хочу, — замялась Клэр. Имеет ли она право веселиться?

— Клэр, я все понимаю, правда. Но ты моя подруга, и мы так редко видимся. Когда еще представится шанс отметить Хеллоуин вместе? Я познакомлю тебя с крутыми ребятами. Будет здорово, вот увидишь. И ради этой вечеринки я буду две недели вкалывать на ферме и учебе без выходных. Если все дела будут выполнены в срок, моя семья все-таки уедет к тете, и дом будет полностью в моем распоряжении. Поверь, это будет круто: квест по мотивам местных легенд, вечеринка, костюмы. Приходи, пожалуйста-пожалуйста! — взмолилась Рут.

— Ладно, убедила, сдаюсь. Ты же не отстанешь, — лениво согласилась Клэр и улыбнулась: подруга не даст ей заскучать. И тут же раздосадовано бросила, состроив кислую гримасу: — Джейк Уолш тоже там будет, да?

— Думаю, да, он придет. А ты не рада его видеть? Мне показалось, что вы отлично ладите, — подмигнула Рут, намекая на их недавние встречи.

— Не то слово, — с иронией протянула Клэр. — Он теперь постоянно мне пишет же, зовет гулять. Отказов не принимает. Такой настойчивый — аж бесит. Я ему отвечаю больше из вежливости.

— Ого, он так умеет? — громко рассмеялась Рут, вспоминая его угрюмое молчание в прошлый раз.

— В сети он более смелый, по всей видимости. Да и смысл нам что-то начинать? Я не собираюсь оставаться здесь надолго, ты же знаешь.

— Но ведь можно просто повеселиться, — хитро улыбнулась Рут, намекая на отношения без обязательств — короткий, но жаркий роман.

— Конечно, все можно. Но стоит ли? Не особо горю желанием. Ладно, поехали ко мне.

Девушки попросили счет. Клэр надела рубашку обратно — еще немного сырую, а свитер, по-прежнему мокрый, просто забрала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.